

Лев Пашаян

Суд Линча

Лев Пашаян

Суд Линча

«Алгоритм»

2012

УДК 82-94
ББК 84

Пашаян Л. А.

Суд Линча / Л. А. Пашаян — «Алгоритм», 2012

ISBN 978-5-4438-0123-0

Лев Агасиевич Пашаян известен по книгам «Армянское радио от Нерона и Траяна до Азнавура и Мкртчана» и «Азбука Маркса». И его новое издание, в которое вошли киносценарий, пьесы, рассказы последних лет на темы современных реалий, рассчитано на самый широкий круг читателей.

УДК 82-94
ББК 84

ISBN 978-5-4438-0123-0

© Пашаян Л. А., 2012
© Алгоритм, 2012

Содержание

Братья-близнецы	5
Суд Линча	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лев Пашаян

Армянская революция

Братья-близнецы Киносценарий

По железной дороге, проложенной в таежных лесах, мчится поезд на восток. Уже полдень, но осеннее солнце не стоит в зените, а бежит по макушкам деревьев с пожелтевшими листьями, словно играет вперегонки. То отстает от него, когда дорога поворачивается влево, то опережает, когда локомотив после протяжного гудка тянет вагоны на юг.

В вагонах тишина. Пассажиры, умаявшиеся от продолжительной качки поезда, лежат или сидят в полусонном состоянии. Кто-то смотрит в окно, кто-то читает книгу или газету, а кто-то спит с храпом.

На откидном сиденье в коридоре сидит один Антонов Павел Семенович, мужчина интеллигентной внешности, лет около сорока, в спортивном трико, на коленях держит бумажку, сложенную вчетверо. Сам погружен в свои мысли. Так глубоко погружен, что даже глаз не поднял на веселую компанию, которая прошла по коридору, видимо, из вагона-ресторана. Он лишь плечо отвел в сторону, чтобы не мешать им пройти, а сам то и дело вертел в руках этот лист бумаги. Наконец, когда опять воцарилась в коридоре тишина, он раскрыл бумагу и еще раз глазами пробежал по ней.

«Павел Семенович, дорогой, Пете очень плохо. Опять старается руки наложить на себя. Год назад вену вскрыл, заметили друзья, отлупили, чтобы он этого не делал. Потерял много крови, но выжил. А на этот раз распорол себе живот, как говорит, хотел харакири сделать. Сейчас лежит в тюремной больнице в очень плохом состоянии. Не знаю, выживет или нет. Недавно, в порядке исключения, руководство тюрьмы разрешило мне посетить его. Меня здесь уже все знают, декабристкой зовут. Я устроилась в конторе леспромхоза уборщицей. Не только конвоиры, но и начальство тюрьмы знает об этом. Потому и пустили на территорию лагеря. Брат твой очень хочет перед смертью повидаться с тобой. Просит и умоляет, если сможешь, приезжай.

С уважением *Лариса*».

Так писала в письме жена брата.

«Зачем ты поступаешь так, брат? – подумал про себя Павел Семенович. – Почему ты пошел по такому пути? Ведь мы с тобой были как две капли воды похожи не только внешне, но и по характеру, по поведению. Почему ты стал таким?»

* * *

И вспомнил он свое детство, когда они, два брата-близнеца, босоногие дошколята, лазили по деревянному забору яблоневого сада к яблоне. Только успели сорвать по одному яблоку, как сзади раздался голос старика Кондрата Акимовича.

– Ах вы, пострелята! Опять лезете в чужой сад?

Оба брата прыгнули с забора, стоят рядом, плечом к плечу, прижав сорванные яблоки к груди и опутив головы, в один голос произнесли:

– Дед Кондрат, очень кушать хочется.

– Как бы сильно ни хотелось кушать, – спокойным тоном объяснил дед Кондрат, – воровать нехорошо. Подошли бы ко мне и попросили. Дед Кондрат для сирот не пожалел бы пару яблок. Неужели ваша мама не объясняла, что брать чужое без спроса – нехорошо. Мои родители всегда внушали, что лучше умереть с голода, чем воровать чужое.

Подошел дед Кондрат и погладил по головам ребят, затем спросил:

– Кто из вас Петр, кто Павел?

Мальчики опустили головы, а лица у них покраснели до ушей. Вместо ответа опустили глаза и замолчали.

– Как бог создал таких совершенно одинаковых двух лиц, похожих не только внешне, но и по характеру? – восхищался дед Кондрат.

* * *

Вспомнил Павел Семенович, как в этот же вечер, когда по улице они шли с матерью домой, дед Кондрат остановил их, стал читать нотацию их матери о последствиях неправильного воспитания детей, их мать, Ксения Ферапонтовна, женщина тучная, модно одетая, на голове шляпа с пером, едва сдерживая злость, слушала нотацию деда Кондрата.

– Сейчас, пока они маленькие, их надо учить различать шалость от плохих поступков, – говорил дед Кондрат.

– Дед Кондрат, – прервала старика мать, – скажите, сколько яблок они взяли у вас, я сейчас вам заплачу.

Хотела она открыть ридикюль.

– Что вы, что вы, – остановил дед Кондрат, – я не о яблоках переживаю. Яблоко-то у меня в этом году большой урожай. Я о другом, о воспитании детей. Ребята-то больно хорошие. Не надо, чтобы взятие без спроса чужого вошло в привычку. Ведь это воровство, это не шалость. Надо сейчас следить за их поступками, чтобы потом не было поздно.

– Я не двуязычная, чтобы и работать, и дом содержать, и следить за этими сорванцами, – чуть не плачущим голосом стала жаловаться мать и дала подзатыльник Петру. – Вот жена брата моего мужа, Мария Васильевна, хочет одного из них усыновить. Вот возьму и отдам этого, – показывает на Петра, – или нет, этого, – показывает на него, Павла.

Павел жалостно смотрел на мать, глаза залились слезами, схватил мать за ногу, прижался и стал рыдать.

* * *

Вспомнив все это, Павел Семенович прослезился. Он вытащил носовой платок, вытер глаза и высморкнулся.

«Да, между прочим, ты еще в школьные годы вырос совсем не таким, как я, – подумал он. – Не зря Мария Васильевна говорила: «Брат твой Петр каким-то шалопаем растет». Ты любил бегать за девчонками. Даже уроки в школе пропускал. Ты передо мной всегда хвастался, как целовался с девчонками, а я стеснялся почему-то к ним подойти, тем более о чувствах своих высказывать».

И тут перед глазами Павла Семеновича прошла эта история, история их жизни.

* * *

Вот уже начало 60-х годов XX столетия. В городском парке все аллеи заставлены цитами, показывающими достижения народного хозяйства страны. Везде портреты Никиты

Сергеевича Хрущева, у входа – большой транспарант со словами: «Слава Октябрю» и крупными цифрами – «55 лет».

На скамейке недалеко от входа в парк сидит молодая симпатичная девушка Антонина, скромно одетая. Смотрит она в сторону входа. Чувствуется, что кого-то ждет. Люди заходят в парк, выходят из парка, парами, одинокие, компаниями. Она зорко наблюдает издали. Вдруг у нее лицо расплывается в улыбке, когда в парк заходит молодой парень в сером костюме с коротко постриженными волосами. Она встает со скамейки и радостно машет ему рукой, подавая знак, что она здесь. Но парень ее не замечает. От площади у входа в парк лучами расходятся несколько аллей. Парень поворачивает на соседнюю аллею, где ждет его другая девушка, обнимаются они, целуются и в обнимку уходят в глубь парка.

– Павел? Обманщик! Такой подлости я от тебя не ожидала. – Совершенно ошарашенная Антонина закрыла руками лицо и села на скамейку. – Ведь притворялся порядочным, а я, дура, поверила. Правильно говорят, что все мужчины подлецы. Как искусно притворялся честным и любящим. Обещал век любить. Как короток оказался у него век.

Так она убивалась, вдруг сзади кто-то ласково прижал ее руки к мокрым глазам. Она резко убрала руки, повернулась и видит – стоит Павел, такой же молодой человек с коротко стриженными волосами, в таком же модном сером костюме, с широкими плечами и весьма узкими брюками.

– Ты? – удивленно спросила Антонина.

– А ты ждала другого? – так же удивленно от ее вопроса и тона спросил Павел.

– А где твоя белокурая?

– Какая белокурая?

– С которой только что ты целовался.

– Тонечка, ты, наверно, ошиблась. Только что я ни с кем не целовался. Ты обозналась. Это был, наверно, другой человек.

– Другого человека в таком модном сером французском костюме, у которого, как ты говоришь, без мыла брюки нельзя надевать, в нашем городе больше ни у кого нет. Да и лицо с такого расстояния не могла не узнать.

– Ты ошибаешься, Тонечка. Есть в нашем городе еще один человек в точно таком же костюме и с точно таким же лицом, как я. Ты, наверно, его и видела. Это мой брат-близнец.

– Брат? Ты же единственный сын у Марии Васильевны?

– Тонечка, ты меня извини, что об этом я никогда тебе не рассказывал, не было повода, да и не к чему было этот разговор затевать. Ты думаешь, меня на свет родила Мария Васильевна? Хотя я ее называю «мама» и до конца своих дней буду считать ее своей мамой, но у меня есть родная мать, которая меня и на свет родила. Я ее тоже люблю и уважаю, хотя в разговоре я ее называю по имени и отчеству – Ксения Ферапонтовна.

– Не сочиняй! Для оправдания своих поступков сейчас напридумашь всякую небылицу. Я не позволю вешать лапшу на уши.

– Милая Тоня, о таких вещах не шутят, такие небылицы не сочиняют. Ты что? Завтра моя настоящая мать, Ксения Ферапонтовна, в ресторане устраивает прощальный вечер по поводу проводов нас с братом в ряды Советской Армии. Ты там познакомишься и с ней, и с моим братом, и с этой белокурой, кстати, ее зовут Лариса. А по поводу второго модного серого французского костюма не сомневайся, и у брата есть такой же костюм. Весной Мария Васильевна ездила во Францию на симпозиум врачей-педиатров, там купила она эти костюмы. Так заведено с детства у нас с братом, если что-то для одного из нас покупает любая из моих матерей, приемная или родная, то берут по два экземпляра, чтобы другой брат не был обделен этой вещицей.

– Ничего себе! По две матери... Военное поколение по одному-то родителю не имеет, а тут...

– Да, по две матери, но ни одного отца. Это горькая участь военного поколения. Мой отец с братом-близнецом, с мужем Марии Васильевны, всю войну рвались на фронт, но их не брали по возрасту. В сорок пятом наконец-то их взяли. В конце войны они оба пропали без вести. Мария Васильевна и брат моего отца, мой дядя, не имели детей, а у моей матери с отцом были мы с братом, двойняшки. Мария Васильевна, не получив похоронку, до сих пор ждет и надеется, что муж вернется. Поэтому она не вышла замуж повторно. Для того чтобы чем-то утешить свое горе, она решила усыновить меня. Моя мать с радостью согласилась, как ни прискорбно.

– Матери твоей трудно было содержать вас двоих, наверно, поэтому она и согласилась.

– Не сказал бы. Моя родная мать всю жизнь была в торговле, всю жизнь свой хлеб жирным слоем масла намазывала. Просто она была любительницей вольной и шикарной жизни. А Мария Васильевна – простая педиатр со скромным окладом, жила весьма скромно. Это потом, когда она окончила аспирантуру, защитила диссертацию, перешла работать преподавателем в медучилище, и у нас появилась возможность намазать свой хлеб маслом, хоть не жирно, но регулярно. Так что, Тонечка, эта история моего детства, а не выдумки коварного Дон Жуана. А брата моего, его зовут Петр, ты увидишь завтра вечером в ресторане.

Они обнялись и пошли по аллее.

* * *

Вечер. В ресторане играет оркестр. Лысоватый певец не первой молодости поет «Песню первой любви». Посетители танцуют, обнявшись попарно, на площадке возле эстрады, где наиболее яркое освещение. В самом отдаленном от входа углу ресторана, за длинным банкетным столом сидят Петр с Ларисой, отдаленно от основной группы на одном конце длинного стола, а на другом конце сидит пышная Ксения Ферапонтовна, обвешанная всякими бусами и разными золотыми украшениями, в окружении трех представительных мужчин. К ним подходит носатый мужчина с пышной шевелюрой, кавказской внешности, кланяется, берет руку Ксении Ферапонтовны, на мгновение свой взор останавливает на многочисленных массивных перстнях, затем целует руку и, нежно похлопывая по пухленькой ручке, с кавказским акцентом говорит:

– Ксэна Ферофантовна, солнушка, да зарэза эщо два гарнитур импортни нужна. С Элэной дагаварилса я, но анна гаварит – твой сагласи нужна.

– При чем здесь Елена? – возмущенно отвечает Ксения Ферапонтовна. – Я главный товаровед или она? Смотри, как бы я свое вето не наложила на эти операции. Завтра придешь в контору, там поговорим.

– Паниатно! – еще раз целует ее руку и, помахав ручкой, с гордым видом отходит к своему столу.

Ксения Ферапонтовна, которая своим бегающим взглядом всегда успевала наблюдать, что творится на 360 градусов вокруг, первой заметила, что в ресторан вошли Мария Васильевна с Павлом, и обратилась к Петру:

– Петя, сынок, вот уже и подошли Мария Васильевна с Павлом. Проводи их сюда.

Петр встает и направляется мимо танцующих в центре зала к входу в ресторан. Там только что вошедшие Мария Васильевна, Павел и Антонина стоят и взором ищут своих в полумрачном зале. Тут подходит к ним Петр.

– О! Здравствуйте, Мария Васильевна, – говорит Петр и, высоко подняв ладонь, направляет ее в сторону Павла.

Павел тоже высоко поднимает правую руку и резко бьет по ладони Петра. Такой у них способ приветствия.

– Здравствуй, сынок, – отвечает Мария Васильевна и, обнимая Петра, целует в щеки три раза. – Мама уже здесь?

– Да, столик там, в самом углу, проходите, – показывает жестом направление и обращается к Павлу, показывая на Антонину. – Твоя девушка?

Павел улыбается и утвердительно кивает.

– Что ж ты мне ни разу не показал ее, не рассказывал о ней? – произносит Петр и протягивает руку к Антонине. – Петр.

– Антонина, – отвечает она и пожимает руку.

– Такая симпатичная подруга моего брата, а я впервые вижу.

– Зато она уже видела тебя, – вмешивается в разговор Павел, – в обнимку с Ларисой в этом сером костюме. Подумала, что ты – это я. И потому я сейчас в другом костюме, чтобы она не перепутала нас.

Оживленно разговаривая, проходят они центр зала между танцующими и подходят к столу, где сидят Ксения Ферапонтовна с приятелями и Лариса. Пока Мария Васильевна и Ксения Ферапонтовна обнимаются, и последняя начинает горько плакать, а Мария Васильевна успокаивает ее, поглаживая ее и похлопывая по спине, молодые представляют Антонину Ларисе. Те пожимают друг другу руки, и все садятся за стол.

– Не плакать надо, а радоваться, что наши дети выросли, стали мужчинами и уже в армию призываются, – успокаивает Мария Васильевна Ксению Ферапонтовну. – Армия – эта хорошая школа жизни, где юноши становятся настоящими мужчинами.

– Ты помнишь, Маша, как мы своих мужей провожали в сорок пятом? Как они запрещали нам слезы лить. «Не в последний путь провожаете, чтобы так убиваться!» – ругался тогда Семен. Оказалось, что в последний...

– Тогда была война, – вытирая чуть промокшие глаза, тихо произнесла Мария Васильевна. – А сейчас слезы ни к чему.

Мужчины, сидящие за столом, стали ухаживать за женщинами. Налили рюмки, и один из них произнес тост, бурно жестикулируя при этом. О чем он говорил, в этом шуме ресторана сидящим за другими столами и не было слышно. Издали видно было, что все обращались к Петру и Павлу и, протягивая руки с рюмками, чокались с ними.

Молодые уходят в центр зала, танцуют, а пожилые пьют, кушают и беседуют.

Вот Ксения Ферапонтовна подходит сзади к сидящим рядом братьям, прижимает их головы к своим щекам и хлюпающим голосом говорит:

– Детки мои, уже выросли, солдатиками стали. Сумела я вас на ноги поставить. Три года я, надеюсь, проживу, дождусь вас из армии.

– Мама, почему три? Ты три раза по тридцать три проживи, чтобы внуков своих успеть на ноги поставить, – произнес Петр.

Все это время, как она, обняв головы сыновей, разговаривала с ним, Антонина, сидящая рядом с Павлом, все смотрела на руки Ксении Ферапонтовны, на ее массивные перстни и золотые кольца, а больше всего удивил ее маникюр, перламутровый лак с разноцветным блеском, что в те годы было в диковинку.

Ксения Ферапонтовна, как всегда, своим боковым зрением замечала все: и ее любопытный взгляд, и крайнее удивление.

– Что, деточка, понравились тебе мои перстни? Павел у меня тихоня, даже не соизволил до сих пор свою девушку познакомить со мной. – Снимает с пальца массивный золотой перстень с красным рубином и протягивает Антонине. – На-ка, надень на палец.

Антонина отодвигает ее руку.

– Что вы, что вы, не надо! Я не на перстни смотрела, а на ногти. Такого лака я еще не видела.

– У тебя нет такого лака? Это Павел виноват: не приводил тебя ни разу ко мне домой. Я бы тебе подарила несколько пузырьков этого добра. – Обращается к Павлу: – Завтра приведешь ее к нам, пусть подберет лаки любого цвета. А теперь, – обращается к Антонине, – дай-ка сюда твой палец.

Берет она тонкий палец Антонины и надевает на него перстень. Он великоват, сразу переворачивается камнем вниз.

– Какой размер твоего пальца? – спрашивает Ксения Ферапонтовна.

– Пятнадцать с половиной миллиметров, – говорит Антонина, стаскивая с пальца перстень.

– А это восемнадцать. Конечно, тебе великовато, деточка. Но ничего. Завтра придете с Пашей к нам, и будет у тебя перстень в твой размер, и будет перламутровый лак.

* * *

Вот Павел с Антониной входят в подъезд хрущевского панельного дома, где входная дверь перекошенная, без стекол на фрамугах, лестничные площадки с выбитыми кафельными плитками, с крашенных стен краска облезла, деревянные двери квартир обшарпаны.

– Какой этаж? – спрашивает Антонина.

– Третий, – отвечает Павел.

Поднимаются на третий этаж, где наряду с тремя такими же обшарпанными дверьми одна дверь была отделана весьма богато: сама дверь и наличники были обиты коричневым кожзаменителем, вместо стандартной П-образной полуржавой металлической ручки торчала шикарная хромированная Г-образная ручка с фасонным наличником для замочной скважины, посередине двери стоял выпуклый, с широким обхватом глазок, а вместо пластмассового ромбика, на которых у соседних дверей стояли номера 49, 50 и 52, на этой двери с большими, под золото кадмированными цифрами был обозначен номер квартиры – 51.

– Не трудно тебе догадаться, где квартира Ксении Ферапонтовны? – спросил Павел.

– Почему не говоришь «квартира матери»? – вопросом на вопрос ответила Антонина и нажала на шикарную кнопку звонка квартиры 51.

– Ой, подождите, я голый, – раздался голос Петра.

– Петь, ты нам открывай, а сам беги в маленькую комнату, одевайся! – крикнул Павел.

Раздались несколько щелчков запоров и засовов, после чего были слышны шаги убегающего Петра.

Павел осторожно открыл дверь и жестом руки предложил Антонине зайти в квартиру. Антонина вошла туда и застыла на месте: возле порога лежал небольшой овальный коврик из какого-то материала, напоминающий линолеум, но с цветной окантовкой и рисунком, весь остальной пол как в прихожей, так и в комнате, что виднелась через арочный проем конструкции хрущевских домов, был покрыт толстым ворсистым ковровым. Стены в прихожей были облицованы мягким коричневым пенопластом с выпуклым рисунком в виде кирпичиков. Антонина, встав на коврик, не знала, куда дальше идти. Она пальцем осторожно пощупала стену и удивленно смотрела на Павла. Все это для нее было в диковинку.

Павел вошел, закрыл за собой дверь, затем открыл полку встроенного в прихожей шкафа с большими зеркалами. На полке стояло множество разноцветных тапочек разных размеров. Вытащил он пару шлепанцев с меховыми помпончиками и предложил Антонине:

– На, надень!

А сам взял кожаные тапочки, быстро переобулся и пошел через арочный проем на кухню.

Антонина тоже сняла туфли, осторожно воткнула ногу в шлепанцы и на цыпочках последовала за Павлом. Прошла пару шагов к кухне, уже отсюда был виден весь интерьер

проходной большой комнаты. Стены комнаты были обвешаны коврами. У одной стены стояла стенка под цвет дуба. Она еще такого вида мебели не видела, потому очень внимательно стала разглядывать. Один шкаф в этом наборе с зеркальной задней стенкой был обставлен хрусталем, другой шкаф, книжный, был набит книгами с красочными суперобложками. Ее взгляд на мгновение остановился на шикарной хрустальной люстре, затем она посмотрела на массивные настенные часы с боем, и, наконец, повернув взор в сторону окна и двери, выходящей на балкон, которых и не было видно сквозь массивные бархатные бордовые гардины, она увидела в углу чудо для себя, от которого аж вздрогнула, – большой цветной телевизор.

– Ну надо же! – ахнула она. – Такой большой экран, цветной и так четко показывает!

Она, держась по стенке, прошла на кухню, куда зашел Павел. Тем временем Павел хозяйничал на кухне: открыл висящий на стене шкафчик и вынул оттуда два массивных фарфоровых бокала, поставил на стол, открыл холодильник и вынул оттуда большую тарелку с пирожными и графин с каким-то оранжевым напитком. Налил бокал и обратился к Антонине:

– У Ксении Ферапонтовны всегда в холодильнике лежат свежие пирожные. Угощайся!

– А это что такое? – показав на напиток, спросила Антонина.

– Это? Просто сок апельсиновый, любимый напиток Ксении Ферапонтовны.

– Матери! – поправила Антонина и осторожно поднесла ко рту бокал с соком.

– Ну ты скоро? – крикнул Павел Петру. – Через два часа нам с вещами явиться в военкомат, а ты даже не одет. Где мать? Что, она не придет тебя провожать?

– Почему только меня? Она придет нас провожать прямо туда, в военкомат. Ее срочно вызвали на работу, там вагоны прибыли с импортной мебелью, – кричал Петр из маленькой комнаты. – Там на подоконнике коробка стоит. Мама сказала, это подарок для Тони. Возьми, отдай ей.

Павел взял с подоконника коробку и открыл. Там лежали два флакончика с перламутровым лаком и маленькая зеленая ювелирная коробочка. Осторожно открыл коробочку и вынул оттуда золотой перстень с массивным красным рубиновым камнем. Павел взял руку Антонины и надел на палец перстень.

– Теперь ты окольцованная барышня, дождешься моего возвращения из рядов Советской Армии, – произнес Павел и поцеловал Антонину.

Тут раздался звонок в дверь.

– Наверное, мать твоя пришла, – сказала Антонина и положила перстень в коробочку.

– Она не звонит, у нее свои ключи. Это, наверное, Лариса.

– Иду! – крикнул Петр и побежал открывать дверь.

Он был одет в темно-синюю новую спецовку, этикетки у которой висели, привязанные к воротнику куртки сзади и у ширинки брюк спереди.

– Это что за маскарад? – засмеялась Лариса, увидев Петра в спецовке.

– Это мать принесла со своей базы, чтобы я надевал вместо костюма. Не надевать же хороший костюм? Все равно его там выбросят. А стареньких костюмов у меня нет, мать давно их выбросила.

– Ты бы хоть ценники оторвал, – сказала Лариса и обняла Петра, стали целоваться.

Павел закрыл дверь на кухню и обнял Антонину.

* * *

И вот они в воинской части, точнее в бане. Стоят в шеренгу человек тридцать, все голые. Старшина Панасенко, уса́тый мужчина, черноволосый, небольшого роста, фуражка

чуть на боку, натянутая на глаза. Держа руки за спиной, он чинно ходит перед строем и, не глядя на лица солдат, объясняет:

– Кто хочет свою гражданскую одежду отправить домой, родным, напишите на клочке бумаги свой адрес и оставьте вместе с одеждой на лавке. Сержант Лапшин организует посылки и отправит ваши вещи по указанному адресу. А кто не хочет этого сделать, там у Лапшина стоит большая корзина, бросайте все туда. По одному подойдете к сержанту, назовете свой размер одежды и обуви, Лапшин подберет вам сапоги и одежду, покажет, как заворачивать портянки, затем зайдете в душевую, помоемся, наденете солдатскую форму и построитесь здесь. Понятно?

– Понятно! Да! Разумеется! – раздались крики со всех сторон.

– По-нят-но, да-а... Что за ответ?! Впредь вы должны отвечать по уставу, по-солдатски: «Так точно!» – коротко и ясно. Понятно!

– Так точно!

– Разойтись!

Все разбежались, кто к Лапшину, кто в душ, кто стал на бумаге адрес писать и свою одежду аккуратно, чтобы не путать с другими, стал укладывать на лавке.

Вот подходит Павел к сержанту Лапшину, который расставил солдатские сапоги и одежду по размерам, и выдает.

– Сорок восьмой размер одежда, сорок первый – обувь, – говорит Павел.

Лапшин смотрит на Павла и сердито кричит:

– Я же тебе только что выдал одежду и сапоги. Ты что, уже успел сбегать? Вот народ пошел!

Рядом стоящие новобранцы стали смеяться и объяснили Лапшину:

– Это два брата-близнеца в одно лицо. Ты давал другому брату.

– Да?! – разинул рот от удивления Лапшин и стал подбирать комплект новой одежды для Павла.

* * *

В узком и длинном коридоре казармы построены новобранцы уже в солдатской одежде в две шеренги. Рядом у двери в каптерку, напротив входной двери, стоит тумбочка, на тумбочке – телефон, возле телефона стоит дневальный.

Открывается дверь каптерки, оттуда выходит старшина Панасенко с журналом списочного состава в руке.

– Рота, равняйся, смирно! – звучит команда младшего сержанта Поцелуева. – Товарищ старшина, рота к вечерней поверке построена. Дежурный по роте младший сержант Поцелуев.

– Вольно! – тихо скомандовал старшина.

– Рота, вольно! – повторил команду младший сержант.

Старшина Панасенко, который всегда по привычке опускал голову и смотрел под ноги, подойдя к середине строя, где рядом стояли братья Антоновы, поднял глаза и посмотрел на них. Стал моргать глазами, нагнул голову чуть вперед, закрыл глаза, потряс головой, открыл глаза, опять посмотрел и обратился к младшему сержанту:

– Младший сержант Поцелуев, проводите вечернюю поверку! – отдал журнал ему, а сам зашел в каптерку.

В каптерке сержант Лапшин вытаскивал из больших мешков, в которых отправляют в стирку простыни и наволочки, и раскладывал белье по полкам.

– Вроде я сегодня не пил, а в глазах двоится, – говорил старшина, вытянул руку вперед, поднял указательный палец и стал смотреть. – Вроде и не двоится.

Сержант Лапшин засмеялся.

– Товарищ старшина, вы, наверное, смотрели на братьев Антоновых. У нас два новобранца, братья-близнецы, их невозможно различить, до того они одинаковые.

Старшина подошел к двери и стал смотреть в замочную скважину.

– Мать честная! Их под копирку сделали, что ли? – мотал головой старшина. – После принятия присяги их надо разъединить в разные роты, одного – в стрелковую роту, другого – в сводную.

* * *

...Вот солдаты сводной роты, с голубыми погонами, на пандусах у разных помещений военной базы грузят, а где и выгружают ящики, большие и маленькие, с имуществом, что хранится в складах базы.

У одного из складов четверо солдат, в их числе и Павел Антонов уже в звании ефрейтора, ловко кантуют ящики, ставят на тележку и по трапу, наброшенному от пандуса во внутрь вагона, завозят и укладывают внутри кульмана. К ним подъезжает автокар с несколькими маленькими ящиками. Водитель автокара, тоже солдат, спрашивает у Антонова:

– Паша, Антонов! Куда твой вагон?

– На Ташкент, – отвечает Павел. – Что у тебя?

– Москатель. Двенадцать мест твоих. Вот эта куча.

Один из солдат подгоняет тележку к автокару и перегружает ящики. Павел вытаскивает из кармана наряд и отмечает:

– Москатель, двенадцать мест. Осталось вооружение семь ящиков и можно опломбировать вагон.

Когда солдат снял с автокара последний ящик, обратился к водителю:

– Все, отчаливай!

– Оставшиеся ящики на Тбилиси. Где вагон на Тбилиси? – спрашивает водитель автокара.

– Кажется, у четырнадцатого склада, – отвечает Павел.

Автокар отъехал. Тут к ним подходит Петр Антонов в красных погонах.

– Привет сводникам! – говорит Петр и, как всегда, высоко поднимает правую руку.

– Привет стрелкам! – отвечает Павел и тоже, высоко поднимая руку, бьет по ладони брата.

– Что грузим? – спрашивает Петр.

– Авиатехимущество, – отвечает Павел.

– Непыльная у вас работа.

– А ты попробуй кантовать ящики, полные кульманов, – отвечает Павел. – Не пыльная, но потная.

– Зато оплачивается дополнительно.

– Символически, – заметил Павел. – Разве это деньги? В прошлом месяце я весь месяц в транспортном отделе вагоны грузил и разгружал, восемнадцать рублей получил. Купил пленку, бумаги, проявитель, закрепитель, и ничего не осталось.

– Остались фотокарточки, – улыбнулся Петр. – А ты за фотки с солдат деньги бери, вернешь свои кровные. Ты хочешь сказать, что у тебя сейчас денег нет?

– Почему нет? Я еще солдатские получаю.

– Так выручи, дай трояк. Я сегодня в списке увольняющихся на берег. Хоть пивка попью. Мать, наверно, в самом деле заболела. Уже месяц я прошу, чтобы она выслала мне хоть на карманные расходы, а она даже письмо не пишет.

– Опять нажрешься, на губу попадешь.

– На тройак особо не нажрешься, брат. Ты не бойся, как только мать вышлет деньги, я тебе верну. Да, кстати, мы твою лычку так и не обмыли. Я выпью за твое здоровье, чтобы ты вторую и третью лычку получил. Будешь сержантом, больше будешь получать.

Павел вытаскивает тройак и протягивает брату.

– Купи мне открытку. У Антонины скоро день рождения, поздравлю.

– Пять копеек...

Павел вытаскивает десять копеек.

– На тебе десять копеек, купи с маркой авиа.

* * *

Вот группа солдат с красными погонами в парадных костюмах, среди которых и Петр Антонов, идут по улице, подходят к зданию, на фасаде которого крупными буквами написано: «Дом культуры хлопкопрядильной фабрики».

Останавливаются у афишной доски и читают: «Фанфан-Тюльпан», начало в 19.15».

– Отличный фильм, – говорит один из солдат, – я на гражданке несколько раз смотрел. Пошли?

– Пойдем, катушек подцепим, – сказал другой.

– Каких еще катушек? – вмешался Петр Антонов.

– Так называют здесь молодых прядильщиц, – объяснил солдат.

– Смотри, другое не подцепи, – съехидничал Петр и хотел уйти в сторону.

– Ты что, не пойдешь с нами? – спросил его первый солдат.

– Ребята, вы как хотите, я пошел по магазинам. Мне брат велел кое-что купить.

Ребята подошли к окошку кассы, а Антонов пошел дальше по этой улице, затем свернул на другую улицу, где находились ряд магазинов и киоски. Он подошел к газетному киоску, где на витрине красовалась яркая открытка с букетом цветов и с надписью «С днем рождения!». На мгновение он остановился, хотел купить эту открытку, но чуть поодаль увидел он второй киоск с надписью «Пиво», махнул рукой и подошел к этому киоску. Оглянувшись вокруг воровским взглядом, нет ли офицеров или патрулей, занял очередь.

Хоть мужчин у киоска было мало, всего четыре человека, стоящий первым пожилой человек в плаще и в шляпе, увидев Петра, обратился к нему:

– Солдат, пиво захотел попить? Иди возьми без очереди, пока поблизости нет ваших командиров.

Петр кивком головы поблагодарил очередь и подошел к окошку, протянул три рубля. Получив кружку с пивом и сдачу, он почти бегом отошел за киоск и жадно стал пить, словно у него во рту пересохло, замучила жажда. Мужчина в шляпе, взяв две кружки пива, тоже ушел за киоск и подошел к Петру. К тому времени Петр уже осушил свою кружку и хотел подойти, взять еще одну. Мужчина подошел к нему и протянул ему одну из кружек пива.

– На, солдат, бери!

– Спасибо, – заулыбался Петр, – у меня есть деньги. Сейчас пойду повторю. Пейте сами.

– Да бери, бери! Не стесняйся. Это я для тебя купил, самому не осилить две кружки. Сам был когда-то солдатом, знаю, что такое гарнизонный забор и жизнь за этим забором.

– Спасибо большое, – поблагодарил Петр и взял кружку.

– Ты с четырнадцатой базы? – спросил мужчина.

– Ага.

– Там же авиационная база, солдаты ходят в голубых погонах вроде.

– Да, база авиационная, солдаты учебной и сводной роты ходят в голубых погонах. Наша рота стрелковая, охраняет базу.

– Я сам когда-то был таким молодым, как ты, служил в армии, друг мой, как тебя?

– Петр.

– Так вот, Петр... Как по батюшке?

– Петр Семенович, да просто Петя.

– А меня зовут Никанор Иванович. У меня в армии был друг закадычный, очень похож на тебя. После демобилизации я его не видел. Вот тебя увидел, почему-то сразу вспомнил моего друга.

– Мой отец погиб на войне.

– Вот я и говорю, мой друг погиб, спасая мою жизнь. Его Семеном звали, фамилию я сейчас вспомню. – И мужчина сделал такое напряженное лицо, будто вспоминает.

– Не Антонов, случайно?

– Вот, вот! Семен Антонов. Ну как же я его могу забыть, ведь он мне жизнь спас. Зимой сорок четвертого немцы бомбили наши позиции. Как взорвался снаряд, он прижал меня к земле и своим телом накрыл меня. Когда кончилась бомбежка, я ему говорю: «Семен, отпусти меня, «мессеры» уже ушли». Смотрю, он не реагирует. А когда я вылез из-под него, вижу: он уже лежит бездыханно. Снег весь в крови. Так он меня спас, а сам погиб. Так что я его большой должник. Хотя мы его с почестью хоронили, но это просто обязанности армейских товарищей. Теперь его родного сына не могу кружкой пива угостить?

– Я рад встрече с вами, с армейским другом моего отца. Я расскажу моему брату, он тоже будет рад встретиться с вами, узнать подробности о последних днях жизни нашего отца. Брат мой следопытом был в школе, он больше знает.

– Брат твой где служит, тоже с тобой?

– Да, на базе, но он в сводной роте. Они ездят по Москве, по ближайшим городам, собирают со всех заводов и фабрик всякое имущество, что нужно авиационным частям, и грузят в вагоны, отправляют по воинским частям по всему Союзу. Он больше знает о моем отце, чем я.

– Ты в отпуске был?

– Нет. В этом году брату дали отпуск, он ездил домой. Мне до конца службы, наверное, такого рода поощрения не сделают. У меня немного хромает дисциплина.

– Я могу помочь сыновьям моего друга, только одному. Брат твой был в отпуске, значит, тебе. Ты хочешь съездить в отпуск?

– О! Как еще хочу! Но вы не знаете командования нашей роты. Это не то, что командование сводной роты. Я однажды в увольнении пару рюмок выпил, даже пьяным не был, так меня три месяца из части не выпускали. А в отпуск отправляют только тех, кто на хорошем счету. А я этого не заслуживаю своим поведением.

– Тебе не только отпуск, даже медаль дадут «За отвагу» или «За отличную службу». Не знаю, какие там у вас существуют медали.

– Для этого надо какую-нибудь отвагу совершить или героический поступок. А из меня какой герой?

– Отец твой был настоящим героем. Он не мечтал, а совершал героические поступки. Если ты очень хочешь пойти в отпуск, я подскажу и помогу сделать это.

Петр уже выпил и вторую кружку. Вытащил из кармана копейки, взял пустые кружки и хотел направиться к киоску, чтобы взять еще пиво.

– Значит, тебе особо и не хочется побывать дома. Видимо, любимая девушка не дождалась, замуж вышла, и у тебя нет стремления к родным местам.

– Как это нет?

– Если бы было, у тебя бы загорелись глаза от радости, замучил бы сейчас меня вопросами, как и что надо делать.

– Сейчас я возьму еще кружку и спрошу, если вы это серьезно.

– Я-то серьезно. Если и ты хочешь серьезно съездить на родину, иди сдай кружки и не бери больше пиво, приходи сюда, – сердитым тоном произнес мужчина.

Петр понес кружки, отдал в окно, посмотрел на копейки, что лежали в ладони, но не стал брать пиво, положил деньги в карман и пошел к фронтовому другу отца. Тот еще допивал свое пиво.

– Когда разговор идет о серьезных вещах, нельзя быть шалопаем. Знаешь, что отпуск – это один из видов поощрения за хорошую службу. А если ты нажрешься и в часть придешь на бровях, о каком отпуске может идти речь? – суровым тоном начал мужчина. – Ты из нашего разговора что-нибудь понял?

– Конечно, вы фронтовой друг моего отца.

– Я представился тебе, ты запомнил, как меня зовут, Петр Антонов, сын Семена?

Петр на мгновение растерялся, поднатужил память.

– Кажется, Николай Иванович.

– Молодец! Хоть не совсем так, но что-то есть. Меня зовут Никанор Иванович, запомни! Теперь слушай внимательно и сделай, как велю: о нашем разговоре никому ни слова не говори, даже брату.

– Могила!

– Когда ты в следующий раз можешь получить увольнительную?

– Через неделю, если в этот раз наш старшина не станет меня обнюхивать.

– Купи мятные конфеты, отбивай запах пива и больше ничего спиртного не бери в рот. Сможешь?

– Ради отпуска могу, но как вы можете помочь? Среди нашего начальства есть знакомые?

– Нет, сынок, такие вещи по знакомству не делаются. Твой отпуск сам заработаешь. Я только подскажу, что надо делать, и помогу. Значит, через неделю я тебя буду ждать у себя в мастерской. На центральной улице нашего города ты был?

– Где кинотеатр на площади? Да, был.

– Там чуть дальше кинотеатра есть вывеска «Фотоателье».

– Знаю. Наши ребята туда заходили, фотографировались. Меня мой брат фотографирует.

– Вот я работаю в этом фотоателье. Зайдешь, заодно и тебя сфотографирую, пошлешь, точнее, понесешь своей любимой девушке.

* * *

К одноэтажному зданию солдатской столовой идет стрелковая рота, чеканя шаг. Старший сержант Поцелуев командует:

– Рота, стой! Справа по одному в столовую шагом марш!

И все солдаты, четко выполняя команду, заходят в столовую. За стрелками со стороны казарм идет строй сводной роты без строевого шага, вразвалочку, одеты разношерстно: кто в рабочих комбинезонах, кто в гимнастерках, у кого пилотка на голове, у кого под ремнем, многие в руках держат рукавицы и почти у всех не застегнут воротничок. Рядом шагает сержант в рабочем комбинезоне, за поясом – рукавицы. Он вытаскивает из кармана тетрадь, открывает на ходу, проверяет, кто сколько потрудился, и кричит:

– Медведев!

– Я Медведев, – отвечает из строя ефрейтор Медведев.

– Твоя бригада сегодня меньше всех потрудилась. С обеда пойдете на разгрузку вагонов на склад номер тридцать. Туда подали два вагона. Остальным переодеться и на политзанятие.

Подойдя к двери столовой, сержант скомандовал:

– Рота, стой!

– Слева по одному за мной! – крикнул направляющий высокорослый солдат Силютин и побежал к двери столовой, остальные двинулись за ним, не дожидаясь команды сержанта, и у входа в столовую создали толкотню.

– Силютин! – крикнул сержант.

Верзила Силютин, пропустив остальных, из тамбура столовой высунул голову и ответил:

– Я Силютин.

– Завтра нам троих послать в наряд в столовую. Думал, кого же послать. Вот ты подбери еще двоих, пойдете в столовую.

– Фу! – выразил свое недовольство Силютин и скрылся за дверью.

Солдаты стрелковой роты заняли места у длинных столов с пристроенными с двух сторон скамейками, стоят руки по швам и ждут команды.

Звучит команда Поцелуева:

– Садись! Приступить к приему пищи.

Солдаты открыли кастрюли; одни, взяв половник, стали разливать борщ по тарелкам, другие стали передавать эти тарелки друг другу.

А солдаты сводной роты зашли и разбежались кто куда. Кто быстрее за стол, кто к умывальникам, что у прихожей, а ефрейтор Антонов подошел к окошку раздачи и позвал брата, который отрабатывал наряд вне очереди.

Петр в брезентовом фартуке, без головного убора, с засученными рукавами подошел к окну.

– Паш, я тебе купил открытку, она у меня в тумбочке, – поторопился сообщить Петр. – Вечером я занесу.

– Опять попался? – укоризненно говорил Павел.

– Вот этот стукач Поцелуев, – показывает на старшего сержанта, – обнюхал меня и доложил старшине, а я даже не был выпивши. Всего одну кружку пива выпил, и то угостил фронтовой друг нашего отца.

– Какой фронтовой друг? Откуда ты нашел такого?

– Настоящий фронтовой друг отца. Как он говорит, наш отец спас ему жизнь, а сам погиб на его глазах.

– Где? Когда? Ты спросил?

– Конечно. На фронте, где же еще? На каком фронте – не сказал, но время он сказал. Говорит, в сорок четвертом году отец прикрыл его своим телом, а сам погиб.

– Трепач он. Наш отец пошел на войну только в сорок пятом, а погиб в сорок четвертом?

Павел повернулся и пошел к столу, взял свободную миску, налил борщ и стал есть.

«Трепач какой-то. В сорок четвертом сражался с нашим отцом», – подумал он.

А Петр смотрел на брата, как он ест, и думал: «Пусть он трепач, зато мне поможет с отпуском».

* * *

Как только наступили сумерки на центральной улице города, наряду с другими уличными вывесками, загорелась и неоновая вывеска с изображением фотоаппарата и надписью «Фотоателье». Осенний вечер, пасмурно, капает дождь. Вышедшая из фотоателье молодая пара сразу открыла зонтики. Он взял ее под руку, и побежали они к автобусной остановке.

Выпроводив последних клиентов, фотограф Никанор Иванович перевернул вывеску «Открыто» на обратную сторону «Закрыто», но двери не запер. Пошел он внутрь мастер-

ской, сел на стул возле письменного стола, где в коробках лежали готовые фотокарточки разного формата, посмотрел на часы и подумал:

«Пора бы ему появиться. Наверное, опять провинился и не дали увольнения. Ненадежный сукин сын. Не зря ли я связался с ним? Мне казалось, что он придурок хороший, ради получения отпуска пойдет на этот шаг, иначе по службе сам никогда не сумеет добыть такого вида поощрения, как кратковременный отпуск на родину. Вроде бы подходящий тип, но...»

Открыл Никанор Иванович дверь письменного стола, выдвинул нижнюю полку и вытащил оттуда конвертик. Открыл его и вынул лежавшую там мужскую фотографию без головного убора, анфас, на паспорт. Долго смотрел на него, стуча пальцем по столу. «Волков Степан Степанович, позывные – «Зверь», самоуверенный тип, типичный придурок. Я его по голосу узнал, еще не увидев лица по его глупой фразе: «Салют честному народу!» Вспомнил Никанор Иванович этот день, когда встретился он здесь же, в мастерской, с Волковым.

* * *

Было яркое осеннее утро. Солнце светило прямо в окно ателье. Никанор Иванович зашторивал окна и разговаривал с парой новобрачных не первой молодости, которые вошли в ателье фотографироваться после регистрации брака в загсе:

– Молодые люди, такое событие, как регистрация брака, надо запечатлеть так лирично, чтобы этим кадром любовались вы и ваши внуки. Солнечный свет оставляет большие тени. Для вашего кадра нужен мягкий свет.

Занавесив окна, он ставит стул к белому экрану, служащему фоном, направляет свет софит на стул.

– Теперь садитесь! Молодой человек, вы садитесь на стул чуть боком, она садится вам на колени, одной рукой обнимая вас за шею, другой – держит на уровне груди этот букет цветов. – Подает ему искусственный букет цветов.

Молодая чета выполняет его указания.

– Поплотнее, поплотнее прижимайтесь, головы поближе, – говорит Никанор Иванович, закрывая фотоаппарат и собственную голову черной тряпкой. – Теперь улыбаемся! Радостные лица и не шевелиться!

В это время открывается дверь ателье и заходит Волков Семен Семенович, здоровый мужчина лет пятидесяти, в кирзовых сапогах, в рубашке, пиджак держит за воротник на плече, в руке вещмешок.

– Салют честному народу! – громогласно говорит он.

Молодожены поворачиваются в сторону входа в ателье.

– Стоп, стоп, стоп! – кричит Никанор Иванович. – Молодые люди, вы не отвлекайтесь, а вы, гражданин, не отвлекайте людей!

– Шеф, на паспорт можете увековечить? – так же громогласно спрашивает Волков.

– Можем, можем. Только постойте там за ширмой, не смущайте людей! – Обращается к молодоженам: – Молодые люди, а вы не смущайтесь, головы поближе, улыбки пошире, чтобы на лицах было видно счастье молодоженов.

Волков, который раздвинул ширму и заглянул на лица фотографирующихся, громко захохотал.

– Ни фиги себе... молодожены.

Невеста прыгнула с колен жениха, мгновенно покраснели ее щеки, руки задрожали. Она потянула жениха на выход.

– Леопольд, пошли! – И обратилась к Никанору Ивановичу: – Можно, мы завтра придем?

– Можно, конечно, но ваш день счастья сегодня, и дату на карточке написали бы сегодняшнюю. Из-за таких нетактичных людей... Вот что я посоветовал бы вам: походите в парке полчаса, потом зайдете.

– Вы правы, спасибо, так и сделаем.

Молодая пара вышла на улицу.

– Шибко нежные. Молодожены! – рассердился Волков. – А как быстро вы можете делать фото на паспорт? Завтра вечером у меня поезд, хотел бы фотки взять с собой.

– Завтра после обеда зайдете, фотокарточки будут готовы. Садитесь на этот стул, наденьте пиджак. Там возле зеркала висит галстук, можете надеть и галстук.

– На фига мне галстук, я его никогда не носил, – сказал Волков, положил вещмешок на пол и надел пиджак. – Что-то мне ваш голос знакомый или так кажется? – И повернул софит в сторону фотографа, который стоял на неосвещенном месте, у фотоаппарата сзади.

– Мало ли на свете похожих голосов? – тихо произнес Никанор Иванович и постарался повернуть лампочку обратно. – Садитесь на стул!

– Постой, постой! Стул не убежит. Ты скажи, как твоя фамилия?

– Гражданин, вы пришли фотографироваться или знакомство заводить? Зачем вам моя фамилия?

– Зачем фамилия, говоришь? Да я и мечтать не мог, что встречу с тобой, дорогой тезка фюрера. За все эти годы, что отбывал я на Колыме, все думал, кто мне поможет однажды смахнуть за кордон. Я здесь жить не могу, даже на воле, тем более реализовать мое накопление. Ты здесь наверняка резидент, связи имеются, как раз поможешь мне перебраться в любую зарубежную страну. Я не мечтаю только о Рио, как Остап Бендер. Любая страна, где меня примут, для меня и Рио, и Жанейро.

– Ну, кончил свой бред? Садись на стул! Фотографироваться будем или фантазировать?

– Я говорю серьезно, господин капитан, или какой у вас сейчас чин, не знаю. Капитан... Запомнил фамилию. Ничего, сейчас я вспомню, у меня хорошая память. Зовут-то Адольф, это хорошо помню, тогда ты хвастался, что твое имя легко запомнить, мол, тезка фюрера, помнишь?

И вспомнил Волков эпизод из прошлых лет.

* * *

Вот Никанор Иванович в форме немецкого офицера, молодой, стройный, сидит за столом, а перед ним Волков, тоже молодой в одежде советского солдата, без ремня и головного убора, с окровавленным лицом, видимо, после допроса в гестапо, сидит на стуле. Сзади его стоит немецкий автоматчик.

– Говоришь, тебе не верят, – стуча карандашом об стол, говорит капитан, – а почему должны они верить? У тебя на лбу не написано, что ты не советский разведчик.

– Ведь я сам сдался добровольно, не шастался по вашим тылам, а рискуя жизнью, перебежал линию фронта. Меня и свои могли застрелить.

Это было так.

* * *

Ночь. В окопе сидят советские солдаты, среди них и солдат Волков. Курят. Вдруг Волков встает во весь рост. Командир взвода ругает его:

– Волков, садись! Там шальные пули летят, заденут, не рад будешь. Слышишь?

Волков делает вид, что слышит голоса.

– Что ты там слышишь?

– Наши разведчики час назад поползли к линии фронта. Кажется, это они кричат, помощь просят. Видимо, языка тащат, а сами, небось, раненые. Я поползу на подмогу.

И вылез Волков из окопа, стал ползти к линии фронта.

– Ну, лихой парень, – произнес солдат-однополчанин.

– Смотри, не заблудись! – крикнул командир взвода. – Далеко не ползи!

Ползет Волков по-пластунски, приближается к немецким окопам. Белый платок привязал к палке, держит над головой и кричит:

– Фриц! Не стреляй! Я парламентар, не стреляй!

Тут он не заметил, как с двух сторон на него из темноты прыгнули два немца и скрутили руки за спину.

* * *

Теперь Волков сидит с окровавленным лицом и жалуется немецкому офицеру на жестокое обращение с ним:

– Спрашивается, зачем бить? Если бы я был разведчиком, разве так бы перебежал к вам? Меня бы высадили в тыл с отличными документами. Я ведь все сказал, о чем знал, других сведений я не знаю. Я солдат, рядовой солдат, знаю только то, что вижу или слышу в окопах.

– Ты предатель, – старался объяснять капитан. – Даже если не шпион, ты предатель. Раз предал своих, почему немецкое командование будет надеяться, что ты им будешь служить верой и правдой?

– Я не предатель, я классовый противник советской власти.

– Ты что, из княжеской семьи? Родители были промышленниками или банкирами? С чего вдруг стал противником этой власти?

– Отец мой имел мельницу. Его раскулачили. Он возненавидел этот строй и, умирая, мне наказывал: навредить Советам как можно.

– Ой, какая веская причина возненавидеть советский строй! – засмеялся офицер. – Мельницу отобрали!

– Предки отца жили очень бедно. Он всю жизнь трудился, накапливал деньги, сумел у хозяина выкупить эту мельницу. Он ее отремонтировал, сделал доходной и стал жить по-человечески: купил корову, лошадей, овец, и тут...

– Хорошо зная русский характер, я лично могу поверить твоим словам, твоему стремлению.

– Ты же русский человек, должен...

– Нет, я не русский, – прервал Волкова капитан, – я немец.

– По лицу-то можно не сомневаться в этом, а как чисто говорите по-русски.

– Это другая история, которую тебе знать незачем. Моя фамилия Бюргер, а имя запомнить очень легко, я тезка фюрера, зовут Адольф. Я инструктор в разведшколе. Пойдешь в разведшколу?

– С удовольствием, господин Бюргер.

* * *

Вспомнив этот эпизод в фотоателье Никанора Ивановича, Волков засиял, направил опять прожектор на фотографа.

– Вспомнил фамилию, господин Адольф Бюргер.

– Я говорю, вы ошиблись, моя фамилия не Бюргер, а Никитин.

– Постой, постой, чьи документы ты присвоил? Никитин... Никитин, никак Никанор?

– Да, Никитин Никанор Иванович.

– Ах ты подлюга, Никанор в разведшколе был моим лучшим другом, но у него была простая рязанская физиономия, а у тебя, сука, натуральная бурбонская морда. – Волков стал разговаривать на повышенных тонах. – Я свое отсидел на Колыме, вышел теперь чистеньким, а ты, подлюга, с чужими документами живешь процветаешь, а своим признаться не хочешь? Я тебя выведу на чистую воду! Как ты завладел документами Никанора? Шлепнул его? – Схватил Волков за грудки фотографа и стал дрожать от ярости. – Шлепнул его, сука?

Фотограф незаметно вынул из кармана пистолет, приставил к груди Волкова и тихо произнес:

– Убери руки! На Колыме выжил, погибнешь здесь. Убери руки!

Волков отпустил руки, завороченно смотрел на пистолет, хотел применить прием и вырвать из рук фотографа пистолет, но фотограф резко отвел руку с пистолетом вниз, и руки Волкова скрестились в воздухе. Фотограф ребром левой ладони ударил по шее Волкова. Тот на мгновение потерял равновесие и пошатнулся.

Фотограф схватил пистолет в левую руку и правой нанес сильный удар в солнечное сплетение Волкова. Тот съежился, сначала упал на край стула, стул отлетел в сторону, и он рухнул на пол.

– Значит, не ошибся, это инструктор разведшколы капитан Адольф Бюргер, – произнес Волков и, опираясь руками о пол, сделал ногами ножницы, ударил по ногам фотографа.

У того ноги пошли направо, туловище – влево, и упал он на левый бок. В этот момент Волков успел встать на ноги и сильным ударом по левой руке фотографа выбил из рук пистолет. Затем бросил на него софит, что стоял на треногом штативе, а сам вышел за ширму, куда отлетел пистолет, поднял его и вернулся.

– Ну что, старый? Не та хватка у тебя, что была лет двадцать назад. Теперь узнал меня? Ведь я был у тебя одним из лучших учеников.

– Ты был дураком, дураком и остался, – бормотал фотограф, поднимая упавший светильник. – Нет чтобы попросить по-человечески, ты начал на испуг брать.

– А как с тобой? А то «я – не я, и хата не моя». Скажи, как ты стал Никитиным? Никанора шлепнул?

– Нет, он не вернулся с задания. Потом узнал, что он подорвался на mine при переходе линии фронта, а у своих он числился, как пропавший без вести. После войны я взял его документы.

– А сейчас кем ты здесь? Резидентом?

– Нет, обыкновенным гражданином, у меня нет связей за рубежом. Я простой фотограф, свой хлеб добываю своим трудом.

– Не верю.

– Дело твоё, можешь не верить. После войны я перешел на мирные рельсы. Так жить спокойнее.

– Да? не верю! Нет, так найдешь новые связи и поможешь мне. Я сейчас поеду к себе на родину. У меня в Ростовской области живет сестра. Больше двадцати лет я ее не видел. Побуду там, выправлю себе паспорт, а потом приеду. К тому времени ты поищешь для меня лазейку, чтобы я мог пересечь границу.

Фотограф протянул руку к пистолету.

– Верни мне его.

– Что, пушку? Нет уж, как ты признался, перешел на мирные рельсы, эта штука тебе не нужна. Вот отправишь меня в «загранкомандировку», тогда она мне не нужна, я оставляю ее тебе. А пока возьми ее себе.

* * *

Тут постучали в дверь фотоателье. Никанор Иванович встряхнул головой, словно проснулся от кошмарного сновидения, сунул фотографию Волкова в конверт и крикнул:

– Открыта дверь, заходите!

Дверь открывается, и в ателье заходит Петр Антонов. Он закрывает за собой дверь и быстро отходит в глубь ателье. Увидев Никанора Ивановича, здоровается с поклоном.

– Ты что, не в увольнении? – спрашивает фотограф.

– У нас старшина не человек, а язва сибирская, хотя хохол. В тот раз что я выпил, две кружки пива? Мало того, что дал два наряда вне очереди, так лишил меня увольнительной. Я, раз обещал придти к вам, не мог не выполнить своего обещания, ушел через жениховый лаз.

– Какой лаз?

– Жениховый. У нас многие солдаты, у кого здесь есть девушка, на ночь бегают к ним ночевать. В заборе сделали удобную дырку, после отбоя уходят на самоволку. Я рискнул уйти до отбоя, хотя это очень опасно.

– Не знаю, злиться на тебя или хвалить за то, что ты стараешься сдержать данное слово любой ценой. Но ты знаешь, что такие поступки – это головотяпство, за это ты попадешь на губу и ни о каком отпуске домой не может быть и речи. Ты можешь в течение месяца быть примерным солдатом?

– Конечно, могу.

– Вот, в течение этого месяца у тебя появится возможность совершить армейский подвиг, за что не только могут наградить отпуском домой, но и представить к государственной награде.

– Какой такой подвиг я могу совершить?

– Ликвидировать шпиона иностранной разведки.

– Да бросьте вы, Никанор Иванович, я думал вы что-то серьезное скажете. Разведчиков поймать... Что я, чекист, что ли?

– Молодец, что мыслишь весьма трезво. Вот и я долго думал, как же помочь сыну моего друга, чтобы он в самом деле совершил такой поступок, о котором бы в газетах писали. Чтобы командование части не могло отказать в такой мелочи, как кратковременный отпуск на родину. Для этого надо бы действительно поймать иностранного шпиона, но где его взять? Вот у меня зародился такой план: есть один весьма гадкий человек, которого убить не грех. Если ты его застрелишь при попытке пролезть на территорию базы, ты станешь героем.

– Как же я застрелю живого человека?

– Хорошего человека, конечно, жалко убить, но этого гада убрать – общество спасибо скажет. Он долгое время был в заключении, его недавно освободили, а он уже успел двоих избить до полусмерти.

– А я как могу его убить?

– Ты же часовой, сам бог велел тебе стрелять в людей, когда они полезут на охраняемую тобой территорию.

– А почему он полезет на территорию базы и полезет именно там, где я буду стоять?

– Вот в этом и есть моя задумка помочь тебе в совершении этого подвига. Этот гад тупой, как два паровоза вместе взятые. Как-то он заходил ко мне фотографироваться и поинтересовался, где можно приобрести пистолет. Я ему совру, что на базе, в складе вооружения, много пистолетов.

– Какие пистолеты? Там же хранятся самолетные пушки, авиационное вооружение, может быть, бомбы.

– Но ты же умный парень, соображай! Он об этом не знает и не должен добраться до этого склада. Пистолет – это повод, чтобы его заманить туда, а ты его встретишь огнем.

– А как же ни с того, ни с сего я открою огонь? Я должен кричать: «Стой, кто идет!», должен дать предупредительный выстрел, потом стрелять в него.

– Петр, ты умный человек?

– Но я не хочу нарушать устав и попасть в тюрьму.

– У вас что, там магнитофон стоит, записывает ваши разговоры? Кто у вас свидетель, если он будет мертв? Кто скажет, что ты не кричал «стой, кто идет?», что ты не стрелял в воздух? После того как ты его застрелишь, стреляй в воздух сколько захочешь. Никто не может определить, сначала ты в воздух стрелял или в него. Главное, чтобы он был мертв и не смог рассказать, как ты поступил с ним. Я ходил тут недавно по задам вашей базы и обнаружил, что один пост, самый отдаленный, прямо в лесу стоит, поблизости нет никого и ничего.

– Да, мы его «камчаткой» называем.

– Ты можешь сделать так, что попасть именно на этот пост?

– Конечно, туда никто не хочет идти, там постоянно дуют ветры со стороны леса. А почему он пойдет именно к этому посту?

– Я ему скажу, что там в заборе есть лаз, откуда можно пробраться к складам.

– Да нет там в заборе никакого лаза!

– Петр, ты дурак? – разозлился Никанор Иванович. – Он не должен добраться до забора. Ты его подпустишь и внезапно выстрелишь в упор, потом в воздух, потом крикнешь «стой, кто идет!», потом поднимешь тревогу, потом пойдет следствие. Чтобы все были уверены, что он целенаправленно шел с намерением проникнуть на территорию базы и попасть именно в склад вооружения, у него в кармане должно быть доказательство. Ты хорошо знаешь расположение складов? Можешь начертить план от этого места, до склада вооружения?

– Могу.

– Вот тебе бумага, вот карандаш. Начерти расположение зданий складов, автомобильных и железных дорог внутри базы и пути или проходы, по которым можно добраться от этого места, где стоит ваша вышка, что называется «камчаткой», до склада вооружения.

Петр берет бумагу и карандаш, чертит расположение складских помещений, ветвей железнодорожных линий и автомобильных дорог.

– Ты сам подумай, – продолжает убеждать Никанор Иванович, – что подумают люди в особом отделе, найдя в кармане человека план базы и намеченный путь от забора к складу вооружения? Конечно, подумают, что это иностранный разведчик. Ведь там у вас хранятся и новейшие виды вооружения.

– А если это будет не он, а я застрелю другого? – поразмыслил Петр.

– Что, у вас там шастают посторонние люди? Ведь везде написано «Стой, запретная зона».

– Только осенью грибники заходят. Они кричат: «Солдат, не стреляй!» Но они проходят днем.

– Вот, а сейчас уже снег выпал, да еще ночью, какие грибники? Так что этот план безукоризненный. Только смотри, не промахнись. Стреляй прямо в сердце. Как упадет, сделай контрольный выстрел в голову. И ты попадешь в книгу героев вашей части.

Никанор Иванович вытащил из пакета фотографию Волкова и стал показывать Петру.

– Вот этот друг, посмотри на его лицо и запомни этого красавчика.

– Я могу взять эту фотокарточку?

– Зачем? Чтобы там, на месте сличить? – засмеялся Никанор Иванович. – Ни в коем случае! Если найдут фото подозрительного типа у тебя в кармане, тогда вместо отпуска попа-

дешь в родные места этого друга на Колыме. Ты его никогда не видел, не знаешь о нем ничего, с ним не знаком. Понял?

– Понял.

– Возможно через неделю, может быть, и раньше, может быть, и позже, этот приятель появится. Сейчас он на югах, отмечает свое освобождение от тюрьмы. Вот мой телефон. К тебе звонить нельзя, можешь ли ты откуда-нибудь позвонить мне и спросить: «Никанор Иванович, не готова ли моя фотокарточка?»

– Я могу звонить из клуба нашей базы, там мой приятель Саша, художник, он может открыть кабинет начальника клуба, там есть городской телефон.

– Никаких лишних слов. Если я скажу что фотография готова и спрошу: «Когда можешь придти забрать?» – значит, ты поймешь, что клиент приехал, и ответишь в тот день, когда ты будешь в наряде, словами: сегодня, завтра или послезавтра. Понял?

– Понял.

– Вот тебе фонарик электрический, положи в карман и не забудь взять с собой, когда пойдешь на пост. Другим фонариком я подам знак из леса. Если все в порядке, и ты готов «принимать» гостя, включенным фонариком сделаешь круговые движения, а если что-то не так, ты машешь фонарем так: верх-вниз, налево-направо. Понял?

– Понял.

* * *

И вот в казарме у солдат свободное время, кто-то подшивает воротничок, кто-то чистит пуговицы кителя щеткой, кто-то сидя на табуретке возле тумбочки, пишет письмо, а Петр Антонов, что сидел на кровати, вытаскивает из кармана электрический фонарик, включает, выключает, включенным фонарем пишет круг в воздухе и делает движение: вверх-вниз, влево-вправо. К нему подходит солдат с черными усами и с грубым грузинским акцентом обращается к Петру:

– Пэтро, у тэбэ хароши фанар, нэ дадиш сэгодня мэнэ? У маэй Катушки дэн раждени, пайдү паздыравлат.

– Ни в коем случае, – отвечает Петр. – Этот фонарь имеет совсем другое назначение, не имею права расстаться с ним ни на одну минуту.

– Ну и жадны ты пиджо! – Пробурчав несколько ругательных слов на своем языке, уходит в сторону солдат.

* * *

На двери в фотоателье Никанора Ивановича висит табличка с надписью «Закрыто», а рядом – часы работы ателье, где указано: «Перерыв на обед – с 13.00 до 14.00». Люди, желающие зайти туда, смотрят с недоумением на огромные часы, что висят на фасаде кинотеатра, качая головой, уходят. Ведь время на этих часах 11.00.

Внутри ателье на повышенных тонах разговаривают Волков и Никанор Иванович.

– Я знал, что от тебя не отвяжешься, заранее подготовил все каналы для отправки тебя за кордон. А тебе еще расскажи, на какую разведку я работаю. Зачем это тебе?

– Я столько лет пахал на Колыме, спрашивается, за что? Я же был простым исполнителем, пешкой в твоей игре. Кто спланировал и организовывал все эти диверсионные работы? Я понес наказание, а ты свободно живешь и процветаешь. Справедливо это?

– Не забудь, что я враг, а ты предатель. Врага берут в плен и должны ему сохранять жизнь согласно международной конвенции, а предателей сразу ставят к стенке. Если ты миновал этой участи, значит, ваши органы не знают того, что я знаю про тебя. Ты не блистал

особым умом, так дураком и умрешь. Но умирай своей смертью где-нибудь на банановых островах, а не в подвалах Лубянки. Чувствую, что горишь желанием сдать меня органам, не соображая при этом, что, если я попаду туда, с меня будут первым делом вытягивать списки всех предателей, которые перешли на сторону врага, и перечень тех заданий, что выполняли они, и твои «подвиги» тоже. Давай, иди! Докладывай. Подсказать, где в нашем городе сидят кагэбэшники?

– Не надо. Живи, черт с тобой! Только меня с моим товаром отправляй за границу.

– С каким еще товаром?

Волков вытаскивает из кармана спичечную коробку, открывает и ставит на стол. Никанор берет коробку, опрокидывает. Оттуда на стол высыпаются золотые самородки разной формы, мелкие и крупные.

– И сколько у тебя этого добра? – спрашивает он.

– Около тринадцати кило.

– Значит, все эти годы, что ты, как выразился, пахал на Колыме, ты занимался воровством. Как же ты мог такое количество золотых самородков своровать, там же строгий контроль за этим?

– Каждая эта штука проходила через мой кишечный тракт.

– Представляю, как ты всю жизнь в собственном дерьме копался, а теперь этот же груз будет тебя тянуть ко дну.

– К какому дну?

– Ты что, собираешься это количество золотых самородков вносить в декларацию? Как ты собираешься пронести их через таможенную?

Волков округленными глазами смотрел на Никитина.

– Я знал, что с моей биографией мне никогда загранпаспорт не дадут, и предполагал, что ты можешь организовать мне фальшивый паспорт. Вот насчет декларации я не подумал. Может быть, есть другие пути? Ты же тезка фюрера, умный мужик, придумай что-нибудь.

– Вот почему говорю, что с таким грузом металла ты пойдешь ко дну, потому что уже подготовлены все каналы, где ты, минуя таможенников, минуя пограничников, можешь доплыть до нейтральных вод, где тебя будет ждать корабль.

– Ты что? Я плавать не умею.

– Особенно если на шею повесить металл на тринадцать кило, – засмеялся Никитин. – Я все предусмотрел, только нет там в Крыму акваланга. Еще один пенопластовый пояс я достану для поддержки дополнительного полпуда груза, а вот акваланг надо тебе самому достать, точнее не достать, а зайти в склад и взять.

– А это что такое, как ты сказал, акваланг?

– Это изобретение одного умного человека по имени Кусто. – Из стола вытаскивает Никитин фотографию акваланга. – Вот такой он аппарат. Наденешь на спину и будешь свободно дышать под водой. На ноги наденешь ласты, они уже в Крыму ждут тебя, и через полчаса ты уже будешь в нейтральных водах.

– Да, я видел такой аппарат в кино. А где, говоришь, его можно достать?

– На базе, где они хранятся. База военная, охраняется кругом. У кого хранятся, он не может сам взять да вынести. Акваланг – не самородок, его не проглотишь. Это надо тебе самому пойти и взять. Теперь слушай внимательно! – Вытаскивает он чертеж, сделанный аккуратно на кусочке ватмана. – Смотри сюда! Вот эта схема расположения складов на военной базе. Вот это место, где стоит часовой. В тот день, в тот час, когда будет стоять на посту мой человек, ты подойдешь, он покажет жениховый лаз в заборе.

– Какой лаз?

– Жениховый. Так называют лаз в заборе, откуда женихи, так называют солдат, которые здесь имеют девушек, самовольно уходят ночью к ним. Ты полезешь вовнутрь забора

и окажешься... смотри на чертеж! Окажешься вот здесь. Ты пройдешь к этому зданию, что обозначено красным карандашом. Можешь ориентироваться?

– Ты же знаешь, что могу. Мы же всегда ходили на задание по топографическим картам. А здесь элементарная схема, сориентируюсь.

– Пойдешь вот так, перешагнешь две железнодорожные линии, у этого склада поднимешься на пандус. Вот на этом месте на стене висит пожарный ящик с гидрантом и рукавами. Там возьмешь ключ от дверей. Мой человек уже месяц этот ключ не таскает с собой в кармане, а кладет именно сюда. Когда возьмешь ключ...

Не успел Никитин кончить свое предложение, вдруг раздался телефонный звонок. Волков поднял трубку и опустил на место со словами:

– Давай, давай, показывай дальше! Не отвлекайся на всякую ерунду.

– До чего же ты тупой стал. Где твоя подготовка в разведшколе? Как тебя обучали? В нашем деле не бывает ерунды. Каждая ерунда – это есть важная информация для умного, а для тебя, как выяснилось, для тупого, ерунда есть ерунда. Каждый день звонит мой приятель, солдат, чтобы узнать, в какой день пропустить моего человека, то есть тебя, на территорию базы. Ты сейчас рвешься быстрее узнать все ходы и побежать туда, а там стоит другой часовой, даст тебе пулю в лоб, и прощай банановые острова. Зачем ты сделал это?

– Я не знал.

– Не бери больше трубку!

Тут повторно раздался звонок. Никитин взял телефон.

– Алло!

– Никанор Иванович, это я, узнали?

– Голос сына моего армейского друга я всегда узнаю. Могу тебя обрадовать, твои фотокарточки готовы. Когда ты сумеешь зайти за ними?

– Сегодня или через два дня.

– Лучше сегодня. В какие часы?

– Не могу точно сказать, или с двенадцати до двух, или с двух до четырех.

– Не забудь прихватить с собой фонарик.

– Фонарик всегда со мной.

– Условные знаки не забыл?

– Нет, конечно.

– Смотри не перепутай! До встречи, ну пока!

– Пока!

Никанор Иванович кладет трубку и обращается к Волкову:

– Вот тебе и ерунда! Парень на свой риск и страх берется помочь тебе. Смотри, не подведи его! Теперь слушай сюда! Если возьмешь ключ и побежишь к двери, раздастся сирена. Тебя поймут, и парню не миновать трибунала. Взяв ключ, подойдешь сюда, где отмечено красным карандашом. Это пожарный щит. Вот с этой стороны отодвинешь немного и сунешь руку за щит. Нащупаешь тумблерный выключатель, отключишь сигнализацию, только тогда пойдешь в склад. На левой стороне полки, там стоят эти акваланги. Возьмешь один аппарат, закроешь двери, включишь сигнализацию и быстро уйдешь. Зная твою жадность, уверен, что будешь искать, что там еще ценное есть, чтобы свистнуть. Не делай этого, понял!

– А что там есть еще ценное?

– Вот, вот! Уже любопытство заиграло. Не твое собачье дело, что там есть, и не вздумай копать! А сейчас надо подумать, как эти тринадцать кило золота плотно спрятать под свитер, чтобы не мешало надеть скафандр. И чтобы те люди, которые будут подбирать тебя, не заметили твое золото, а то я не знаю, какие они люди, позарятся на твое золото, шлепнут тебя по голове, отберут золото, а тебя обратно бросят в море. Где сейчас твое золото?

– В надежном месте.

– До двенадцати часов вечера у нас есть время. Слушай, что ты должен делать: сейчас поедешь в Москву, купишь билет на поезд Москва – Ялта...

– Может быть, на самолет? – прервал Волков.

– Ну до чего же ты тупой стал! До сих пор ты летал в самолете, сдавая свое золото в багаж, а теперь оно будет при тебе, на твоём теле. Как ты пройдёшь через металлоискатель? Берёшь билет только на поезд и сядёшь в него уже зачехлённый. Купишь сегодня толстый большой свитер. Под свитер наденёшь рубашку с металлом. Ты можешь достать бронежилет?

– А где его достать?

– Я так и предполагал, что ты ничего не можешь достать. Я уже заказал, мне его привезут, но чуть попозже, после двенадцати ночи. Мы с тобой успеем за ночь вытащить из бронежилета стальные пластины и туда насыпать твой металлолом. Затем надо все это так строгануть, чтобы твои самородки не собирались в одну кучу, и ты в этом жилете не был похож на конька-горбунка.

– А что будет дальше?

– Дальше я поеду с тобой до Ялты, там объясню ход дальнейших действий. Сейчас поезжай в Москву, купи билет на Ялту на завтра, свитер толстый купи и забери свое золото из надежного места. В мастерскую, сюда, зайдёшь после десяти часов вечера. В десять ровно я приду сюда.

– Значит, мне взять два билета на Ялту?

– Волков, ты что такие тупые вопросы задаёшь, словно не обучался в разведшколе? Я полечу на самолете. До твоего приезда узнаю обстановку. На железнодорожном вокзале в Симферополе, если меня увидишь на перроне, не вздумай подойти ко мне. Мы с тобой при посторонних не знакомы. К тебе подойдет мальчик и ответит, куда надо. Понял?

– Понял.

– Ну давай, поезжай в Москву! Нет, нет, кстати, раздевайся и садись, я тебя сфотографирую на загранпаспорт. Фамилия в паспорте будет другая, но фото должно быть твое. В Ялте получишь другой паспорт.

Волков стал раздеваться, а Никанор Иванович включил свет и стал готовить фотоаппарат.

* * *

Ночь. Светит луна, от нее света больше, чем от тусклых лампочек, висящих на высоком деревянном заборе вокруг базы, едва освещающих полосу между забором и ограждением из колючей проволоки, что стоит в трех метрах от забора. Между забором и ограждением протоптана на свежевыпавшем снегу дорожка, по которой идут пятеро солдат, впереди – разводящий в погонах младшего сержанта, за ним четверо часовых. Вторым за разводящим идет Петр Антонов, молча, не разговаривает, остальные солдаты яростно спорят:

– В Токио у нас только три боксера стали чемпионами: Попенченко, Поздняк и этот, как его... Степашкин. Кто четвертый, по-твоему? – доказывал небольшого роста солдат, идущий последним в строю.

– Енгибарян, – произнес солдат, идущий за Антоновым.

– Вась, ты в этом деле знаток, как я канатоходец. Енгибарян был чемпионом в Мельбурне. А в Риме у нас чемпионов было и того меньше, только Григорьев сумел завоевать золотые медали.

К этому времени они уже подошли к сторожевой вышке.

– Замирайло! Ты жив? – крикнул разводящий.

– Жив, здоров и невредим, как мальчик Петя Бородин! – крикнул часовой и стал спускаться в тулупе.

– Тулуп оставь там! – крикнул Петр Антонов и подошел к ступенькам лестницы вышки. Спускающийся Замирайло снял тулуп и отдал Петру со словами:

– Пост сдал!

– Салага! – крикнул Петр, – надо сказать, как положено по уставу: «Рядовой Замирайло пост сдал!»

– Ладно, если не забуду, в следующий раз так и скажу.

– Все в порядке? – спросил разводящий.

– Какой-то чудак в лесу фонариком с двенадцати часов все мне азбуку Морзе диктовал минут пятнадцать.

– А ты дуб дубом в этой азбуке, ничего не понял, – съязвил идущий сзади солдат небольшого роста.

Антонов стал подниматься на вышку, а часовые с разводящим пошли дальше к последнему посту, который находился за углом налево и подходил почти к казармам автобата. Как только наряд завернул за угол, Антонов вытащил фонарик, включил, направил в сторону леса и стал мигать, как заметил часовой Замирайло, под азбуку Морзе, хотя и он эту азбуку не знал. Вскоре из леса последовало такое же мигание фонариком. Заметив это, Антонов стал махать по обусловленному знаку: верх-вниз, налево-направо.

– Пусть наряд пойдет обратно, тогда дам знак «можно», – произнес радостно Антонов, накинул на себя тулуп и стал смотреть в ту сторону, куда пошел наряд к последнему посту.

* * *

В это время в лесу Волков ругался с Никанором Ивановичем:

– Ты знал, что этот твой солдат будет нам вола крутить, раз валенки надел?

– Я предполагал, что он может заступить на пост не в двенадцать, а в два. И тебе об этом говорил. А ты что, замерз?

– Если бы ты знал, какие морозы бывают на Колыме, такие глупые вопросы бы не задавал. Не замерз, а устал ждать.

– Ничего, подождешь! Это в твоих интересах. Мне это совсем не нужно, а я с тобой торчу здесь. Молчу, между прочим.

– А что он опять машет «нельзя»?

– Ты же видел, они пошли направо, завернули за угол. Видимо, там еще есть пост, пошли менять и того часового. Вот, идут обратно. Если тебе так не терпится, иди, поздоровайся с ними, скажи, зачем ты пришел сюда. Иди!

– Ладно. Столько ждали, еще минутку подождем.

– Не минутку, а минут пять-десять, пока они дойдут до караульной.

* * *

И Антонов думал так же, когда увидел отдаляющихся от своего поста разводящего с часовым.

«Пусть пройдет еще минут пять, а то и больше, пока они дойдут до караульной, раздуются». И стал радостно прыгать на вышке и почаще посматривать на часы.

* * *

– Ну что же не дает знак? – недоумевал Волков в лесу.
– Правильно делает. Осторожность превыше всего. Он парень умный, не хочет идти под трибунал, – спокойно объяснял Никанор Иванович.
В это время они заметили, как часовой на вышке делает фонарем круговые движения.
– Пошел! – скомандовал Никанор Иванович и сам с ним двинулся к вышке. – Я подойду поближе, когда ты выйдешь с аквалангом, я тебе помогу тащить. Эта зараза очень тяжелая.

* * *

«Идет! – С особым трепетом стал наблюдать за идущим к нему человеком Петр. От волнения у него стали руки дрожать. – Отсюда, наверное, промахнусь, лучше спущусь вниз и выстрелю из положения лежа».

Он спустился вниз и прилег под вышкой, винтовку поставил на деревянную укосину вышки и стал целиться.

– Пусть подойдет поближе, – шепотом говорит Петр, а у самого руки стали дрожать еще сильнее.

– Эй, солдат, где ты? – тихо кричал Волков.

– Здесь я, подходи сюда, перелезай через проволоку!

И когда Волков подошел к колючей проволоке, раздвинул ее и, просунув одну ногу, хотел перелезть сам, раздался выстрел. Попал он в левое плечо Волкова.

– Ах ты, сука! – пощупал плечо Волков и полез в карман за пистолетом.

Когда Петр увидел в руках Волкова пистолет, бросил винтовку и с криком «не надо!» побежал в сторону караульного помещения.

Тут раздался выстрел, и Петр, схватившись за ногу, упал на землю.

– Не стреляй! Это не я придумал! – отчаянно кричал Петр.

Тут раздался второй выстрел. Петр закрыл глаза и от испуга чуть ли не потерял сознание, но был удивлен, поскольку больше нигде не ощущал боль.

Это стрелял не Волков, а подоспевший сзади Никанор Иванович сумел выхватить из рук Волкова пистолет и выстрелил ему прямо в голову. Волков упал, а Никанор Иванович стал его проталкивать через проволоку.

– Петр, ты жив? – тихо крикнул Никанор Иванович.

– Кажется, жив, – ответил Петр.

– Бегом сюда!

Петр, подпрыгивая на одной ноге, подошел к вышке.

– Бери винтовку и подойди сюда, горе солдат!

– А он не застрелит меня?

– Он уже мертв! – со злом произнес Никанор Иванович, перевернул Волкова лицом вверх и приказал: – Стреляй прямо в лоб, сюда!

– Говорите, он мертв, зачем?

– Стреляй, придурок!

Петр прицелился и выстрелил, попал в глаз.

– Ну ладно, годится! Теперь бери его пистолет, скажешь, что один раз стрелял вверх, кстати, не забудь сделать третий выстрел в воздух, и два раза стрелял в него. И когда спустился вниз, он направил пистолет на тебя и выстрелил по ногам. Затем ты выбил у него из рук пистолет и стрелял ему в затылок. Понял?

– Понял.

– Поднимись наверх и через пять минут, пока я добежу до шоссе и скроюсь, поднимешь тревогу. Скажешь, их было двое, другой, молодой парень, убежал. Понял?

– Понял.

Никанор Иванович повернулся и побежал к шоссе, а Петр, сделав выстрел в воздух, подпрыгивая на одной ноге, пошел к вышке.

* * *

В кабинете начальника особого отдела сидит майор, задумчиво смотрит на схему расположения складских помещений базы, начерченной Никанором Ивановичем, что нашли в кармане Волкова. Рядом лежат его документы, пистолет и железнодорожный билет.

В кабинет заходит капитан Елисеев, стройный молодой офицер, и докладывает:

– Товарищ майор, Волков Степан Степанович полтора месяца назад освобожден из мест заключения. Был осужден за измену Родине, за сотрудничество в годы войны с абвером. В пятидесятых годах его вычислили и разоблачили. Отсидел свой срок и был освобожден.

– Николай Иванович, никак не могу понять его намерение. Либо он бестолковый дилетант, по чей-то наводке решил пробраться на территорию базы, добраться до склада вооружения, либо слишком нахальный тип, матерый волк, решил убрать часового и вынести какой-то образец вооружения и доставить в Крым. Вот у него в кармане билет на поезд Москва-Симферополь, отправление сегодня. Вот что еще нашли у него в кармане. – Майор берет спичечную коробку, открывает и высыпает на стол золотые самородки.

– Он отбывал наказание на Колыме, немудрено, что он сумел там прикарманить, хотя с этим там очень строго. Видимо, в самом деле нахальный тип.

– Надо найти другого напарника. Никаких следов он не оставил?

– Он был обут в валенки, следы ведут до шоссе, там обрываются.

– А часовой не запомнил какие-нибудь приметы?

– Он перепугался, когда этот Волков, как говорит солдат, вдруг ожил, вытащил пистолет и стрелял в него в тот момент, когда солдат, убедившись, что нарушитель мертв, хотел подняться на вышку и звонить в караульную. Потом он сумел выхватить пистолет из ослабленных рук нарушителя и выстрелить ему в голову. В этот момент он заметил, что подошел этот молодой. Солдат не сообразил сразу выстрелить в него и кричал: «Стой, стрелять буду!», а тот повернулся и убежал. Часовой толком не сумел разглядеть его.

– Вот у него в кармане нашли телефон на клочке бумаги, с надписью Адольф. Судя по номеру, это здешняя АТС. Надо узнать, чей телефон, и навестить этого Адольфа.

* * *

В фотоателье Никанор Иванович, накрыв голову с фотоаппаратом черной тряпкой, смотрит на клиента и ругается:

– Молодой человек, вы же не на некролог снимаетесь с таким грустным видом, а на паспорт. Немного повеселее!

В это время открывается дверь и в ателье входит капитан Елисеев. Войдя внутрь, он стучит по двери изнутри и кричит:

– Можно войти?

– Заходите, раздевайтесь! Вешалка за дверью, – отвечает Никанор Иванович.

Капитан входит, но не раздевается, разглядывает кругом. Вскоре из-за ширмы выходит Никанор Иванович. Увидев капитана, здоровается и спрашивает:

– Запечатлеть на документы?

– Нет, спасибо. Я хотел бы поговорить с вами..

– Минуточку, – отвечает Никанор Иванович и обращается к молодому человеку, вышедшему из-за ширмы. – Молодой человек, заходите завтра в это время.

– До свиданья! – говорит молодой человек и уходит.

– До свиданья! – отвечает Никанор Иванович, выпроваживает клиента, а сам думает: «Неужели смогли найти зацепку?»

Как только выпроводил молодого человека, обернулся к капитану и произнес:

– Я вас слушаю, товарищ капитан.

– Знаком ли вам человек по фамилии Волков, товарищ Адольф, не знаю, как по отчеству?

– Моя фамилия не Адолев или, как там вы называли, Адоев. Я Никитин Никанор Иванович, а Волковых среди моих знакомых нет. Если только среди клиентов были люди с такой фамилией, я сейчас посмотрю по книге. Волков... Волков... как инициалы?

– Степан Степанович.

– А, Степаныч! Это такой здоровенный мужчина? Это он ко мне чуть драться не полез вчера, когда я объяснял, что в течение получаса сделать фотокарточки невозможно. Пока проявлю негатив, пока высушу, затем отпечатаю... И полез он на меня с кулаками. Бить не стал, но грозился, закричал: «Ты имеешь дело со Степанычем, не шути, фашист ты этакий!» Как только не обзывал. Грозился через час зайти, но ни вчера, ни сегодня не зашел. А фотографии на загранпаспорт уже готовы. Я сейчас покажу, это он ли? – и полез в коробку с фотокарточками, порылся и вытащил фотокарточки Волкова. – Не это ли ваш Волков? – Посмотрел запись в книге. – Вот, вот, Волков С.С., шесть рублей пятьдесят копеек за срочность.

Капитан вытаскивает из кармана клочок бумаги и показывает Никитину.

– Это вы давали свой телефон ему?

Никитин посмотрел на бумагу и заметил, что там написано только имя.

– Я никому из моих клиентов не даю телефон. Видимо, он узнал в справочном. Я даже не сказал ему, как меня зовут. Когда он спросил: «Эй, фашист, как тебя зовут?», я ему ответил: Адольф, хотел сказать Гитлер, потом подумал, что Гитлер может разозлить дурака, назвал то ли Гимлер, то ли Битнер, не помню сейчас.

– Я могу взять у вас эти фотокарточки?

– А если он придет за ними, я скандала не оберусь. Что ему сказать, кто взял?

– Он не придет, он уже мертв.

– Ой, слава тебе, господи! Не хотел бы с дураком встречаться еще раз.

Капитан взял фотокарточки, попрощался и ушел. Фотограф закрыл двери и перекрестился.

* * *

В небольшой светлой комнате лазарета воинской части, где расположены четыре койки с тумбочками возле них, лежат два солдата на койках ближе к окну. Две другие койки пустуют. На одной койке лежит Петр Антонов. Он спит. На другой лежит солдат в очках, читает книгу. Открывается дверь, и заходит в комнату Павел. Он здоровается с солдатом в очках и спрашивает, показав пальцем на Петра:

– Спит?

– Кажется, да. Недавно разговаривал, сейчас молчит.

Тут Петр, не открывая глаз, поднимает правую руку с открытой ладонью высоко для привычного с братом приветствия. Павел подходит и бьет ладонью по ладони брата.

– Лежишь с раной? Ну как нога?

– До свадьбы заживет, – открывает глаза Петр. – Ты матери не написал?

– Зачем расстраивать ее? Выйдешь из лазарета, сам напишешь.

– Выйдешь? Когда?!

– Ну когда-нибудь. Из-за ранения в ногу пока никто не умирал.

– У меня повреждена кость. Грозятся отправить в госпиталь. Пока я здесь, мать бы прислала деньги на твоё имя, ты бы пошел на почту, получил. Я много крови потерял, напиши матери, что мне надо усиленно питаться.

Павел вытаскивает из кармана бушлата два яблока и протягивает Петру.

– На, питайся пока этим. Завтра я запишусь в оперативный отдел, поеду в Москву. Что купить тебе?

– Купи бутылку пивка.

– Опять ты свое?

Тут открывается дверь и в палату входит капитан Елисеев.

– Ну, герой, как нога? – спрашивает капитан.

– Болит, ноет, спать не дает.

– Ты почему этого молодого напарника нарушителя не застрелил?

– Чтобы потом меня в тюрьму посадили за убийство? Ведь он не делал попытки перелезть через колючую проволоку. Может быть, это был простой зевака, видит, тут стреляют, решил подойти поближе полюбопытствовать.

– Ты запомнил черты его лица? Можешь дать его словесный портрет?

– Очень смутно. Я на его лицо смотрел бегло, только на несколько мгновений, тем более у меня в глазах темнело от боли. Я даже не заметил, в чем он был одет. Только в глазах запечатлелась его вязаная шапка на голове с помпончиком, какие надевают, когда на лыжах катаются.

* * *

Вот дом, где живут Петр и Ксения Ферапонтовна. Петр, хромя, в правой руке держит палку, в левой – чемодан, в солдатской шинели поднимается на третий этаж и нажимает на звонок своей квартиры. Никто не открывает. Открывается дверь соседней квартиры 52 и оттуда выбегает маленькая собачка на поводке, за ней и хозяйка, пожилая женщина.

– О, Петенька, сыночек, здравствуй, как нога?

– Нормально, баба Нюра, просто шальная пуля зацепила во время учебных стрельб.

– Скромничаешь, сынок? А мать твою прочла нам из какой-то армейской газеты заметку, как ты матерого шпиона поймал, а он прострелил тебе ногу.

– Не знаете, баба Нюра, мать дома или на работе? Что-то она меня даже не встретила на вокзале, дверь не открывает.

– Сынок, мать твою ночью забрала «скорая», у нее с сердцем плохо стало. А ключи она оставила в сорок девятой квартире у Матрены Васильевны.

Петя стал звонить в квартиру № 49.

* * *

На кладбище оркестр играет траурную музыку. Мужчины с лопатами оформляют могильный холмик и на него укладывают венки с надписью на лентах: «Дорогой маме от сыновей», «Ксене Ферапонтовне от сотрудников базы» и так далее. Возле могилы стоит Мария Васильевна, обнявшая одной рукой Петра в гражданском костюме, другой рукой – Павла в армейской шинели с погонами уже младшего сержанта. Рядом стоят Антонина и Лариса.

Часть людей, особенно женщины, направились к выходу. Идущие впереди две модно одетые женщины разговаривают почти шепотом.

– Она поторопилась умереть, – говорит одна, – сегодня утром Иван Иванович уладил все дела. Сунул, как он выразился, несколько пачек, и те закрыли дело.

– Леночка, – говорит другая, – я бы на ее месте не один, а несколько инфарктов прихватила. Так, как она действовала, нельзя. Нехорошо о покойнице говорить плохо, но она была порядочной свиньей. Могла на других нагадить свысока и получать при этом наслаждение.

На кладбище стало тихо. Все направились к выходу. Петр в правой руке держал свою палку, левой – под руку Ларису. Павел шел в обнимку с Марией Васильевной и с Антониной.

– Я возьму с собой аттестат зрелости, – говорил Павел матери, – у нас в городе там есть филиал Всесоюзного заочного машиностроительного института, командование разрешает сдать документы и попробовать летом туда поступить.

– А по окончании службы можешь перейти на очную? – спросила Антонина.

– Зачем? Лучше поступлю на работу, а вечерами буду учиться самостоятельно, зато у меня вместо теории, что будут долбить на лекциях, будет практика. Это намного ценнее для дальнейшей работы.

– А какие специальности на этом факультете? – спросила Мария Васильевна.

– Там готовят специалистов и по горячей обработке, и по холодной обработке металлов. Я, наверно, выберу факультет, который, кажется, называется так: «Автоматизация обработки металлов резанием». Там готовят инженеров-технологов механического производства.

Они уже вышли с территории кладбища туда, где стояли два автобуса, возле которых стояли мужчины и курили. Когда подошла эта группа людей с Марией Васильевной и с детьми покойной, мужчины им помогли сесть в автобус и сами сели. Автобусы отправились, а за ними три «Волги» ГАЗ-21 с оленями на капотах, машины работников базы. В последней машине сидели только две модно одетые женщины, которые шли вместе к выходу, та, которую звали Леночка, – за рулем, другая – рядом.

* * *

Прошло пять лет...

Вот обшарпанный подъезд дома, где живет Петр Антонов, вот отличающаяся от остальных дверь квартиры Ксении Ферапонтовны № 51, только теперь цифра «единица» оторвана в верхней части, то есть шуруп, крепящий цифру, выскочил, и единица прислонилась к пятерке. Остальное – как при жизни Ксении Ферапонтовны. Если проникнем внутрь квартиры, там тоже незаметно каких-либо изменений в интерьере и убранстве квартиры.

Прежде, чем пройти на кухню, одним взором смотрим на массивные часы с боем в комнате. Они показывают шесть часов десять минут. А проникнув на кухню, заметим любопытную картину: по радиорепродуктору диктор проводит занятие утренней гимнастикой. Петр голый, в одних трусах, сидит на табуретке и по команде диктора чуть поднимает левую ногу и правой рукой достает пальцы ног, затем по команде неуклюже опускает эту ногу и поднимает правую, старается достать пальцы левой рукой. И так, по команде «раз, два, три, четыре» Павел, сидя, старается выполнять упражнения. На столе стоит бутылка с водкой и рюмка. Сделав несколько движений, Петр бросает это занятие, берет бутылку, наливает рюмку и хочет выпить. В это время входит на кухню Лариса с заспанными глазами, натягивая на себе халат. Увидев Петра с рюмкой в руке, выбивает рюмку из рук. Та падает на пол и разбивается.

– Мать бы сума сошла, увидев разбитой рюмку из чешского стекла, и не простила бы тебя. Мне тоже надоело тебя прощать, – заплетающимся языком говорит Петр.

– Мать твоя с ума бы сошла, увидев тебя оформленным алкашом, а на эти стекляшки она бы наплевала.

– Я не алкаш! Я свое горе заливаю.

– Не слишком ли рано начинаешь заливать?

– У меня большое горе.

– Такое большое, что если попозже начнешь, не успеешь залить, бедненький. Какое у тебя горе, алкоголик несчастный?

– У меня мать умерла.

– Уже пять лет, как она умерла. У всех умирают матери.

– Она умерла по моей вине, понимаешь? Выходит, что я виновен в смерти моей единственной матери. Это у Павла две матери, а у меня она была единственная. А я ее убил. Я написал ей письмо, что я умираю, а она денег не высылает. Она – мать, не могла вынести смерть сына. Где тебе понять? Ты же не мать. Уже четыре с лишним года женатый, а ты не можешь родить мне наследника. А она меня очень любила.

Взял Петр бутылку и хотел из горлышка выпить. Лариса выхватила из его рук бутылку и стала выливать содержимое в раковину.

– Она об этом и не переживала, отлично знала твое состояние из письма Павла. У нее были неприятности на работе, о которых она очень переживала.

Эти слова до Петра и не доходили. Как увидел, что Лариса водку выливает в раковину, у него аж уши покраснели. Он хотел выхватить из рук Ларисы бутылку, но она оттолкнула его так, что он чуть не упал, сел прямо на табурет.

– Ах так? – стукнул он кулаком об стол. – Я уже говорил, что мне надоело прощать твои выходки. Я тебя привел домой в качестве жены или в качестве ментовского контроля надо мной? Все! Я больше терпеть не намерен. Собери свои вещи и давай сюда ключи от моей квартиры!

Петр, хромя, но быстрым шагом вышел в коридор, из кармана пальто Ларисы вытащил связку ключей и стал демонстративно крутить вокруг пальца.

– Знаешь, чем держат жены своих мужей? Это такой вопрос задавали в «Армянское радио». Оно ответило: немка – питанием, англичанка – воспитанием, там еще кто-то чем-то, и, наконец, японка – грацией, а русская – судом и парторганизацией. Так что, я не член партии, можешь подавать в суд. У нас совместно нажитого ничего нет, это все осталось от матери. А сейчас пятнадцать минут на сборы и марш из этого дома без оглядки!

– Думаешь, я сейчас брошусь в ноги извинения просить? Мне самой осточертела такая жизнь. Так что прощай, алкоголик несчастный. Я пока на развод не подам. Опомнись, придешь за мной. Нет – тогда уж разойдемся по закону.

* * *

Прошло еще пять лет...

Павел Антонов, уже представительный мужчина, больше тридцати лет, в костюме и в галстук с женой Антониной едут на такси по Москве. Вот уже проходят Комсомольскую площадь и направляются по Русаковской улице.

– В Сокольниках возле метро поворачиваем налево? – спрашивает водитель такси.

– Нет, лучше у кинотеатра «Орленок» поверните налево. Так поближе, – отвечает Павел.

И вот машина останавливается возле подъезда. Из машины выходит Павел, за ним и Антонина. Расплачивается он с водителем, благодарит. Тот уезжает, а Павел с Антониной заходят в подъезд.

– Машенька, наверное, уже спит, – говорит Антонина, – время очень позднее. Если спит, не надо будить, так понесем к себе осторожно.

На втором этаже они звонят в квартиру № 48.

– Кто там? – раздается женский голос из квартиры.

– Баба Настя, это мы.

Открывается дверь, на пороге появляется старуха, укутанная в плед.

– Судя по тому, как поздно вернулись, можно быть уверенным, что защита диссертации прошла удачно. Поздравляю, Павел Семенович!

– Спасибо, баба Настя, все прошло хорошо: и защита состоялась, и обмыли это дело хорошо, – ответил Павел. – Машенька уже спит?

– Долго она играла с куклой, ее спать уложила и сама уснула, сидя в кресле.

Павел зашел в комнату, взял на руки спящую дочь лет шести, с длинной косичкой, поблагодарили старуху, и поднялись на свой третий этаж. Антонина открыла дверь в квартиру и вошли туда. Павел отнес спящую дочь до детской кровати.

– Положи, я ее потом раздену, – сказала Антонина, снимая обувь. – Теперь иди на кухню, в шкафу лежит письмо, уже второй день лежит. Поскольку оно было адресовано «Антоновым», я вскрыла и прочла, но тебе не стала показывать, поскольку знала, ты бы бросил все, даже защиту диссертации и побежал бы спасать брата.

Павел быстро переобулся, пошел на кухню, взял письмо, потом опомнился, что темно, вернулся, включил свет, открыл конверт и стал читать. Писала Лариса:

«Уважаемый Павел Семенович, здравствуйте! Пишет вам Лариса. Как вы знаете, мы уже лет пять не живем вместе с вашим братом, но до сих пор мы развод не оформили: я не подаю на развод, надеясь, что он когда-нибудь исправится, станет человеком, я ведь его до сих пор люблю, а ему до фонаря, об этом он и не думает, точнее, ему некогда думать, он трезвым не бывает, а спьяну он и не помнит, что когда-то был женатым. Ваш брат уже не просто алкоголик, он уже погибает в прямом смысле этого слова. Логика подсказывает, что я должна быть рада его смерти, ибо я прописана в этой квартире, которая после его смерти останется мне. Но я этого не хочу. Пусть даже если не будем жить вместе, надо его спасти. Пока была жива Мария Васильевна, она влияла на него. Теперь кроме вас о нем заботиться никому. Надо его спасать.

С уважением *Лариса*».

Павел положил письмо и стал пальцем стучать по столу, затем пододвинул телефонный аппарат, что стоял на подоконнике и стал набирать номер телефона.

– Людмила Романовна? Здравствуйте, это я. Не разбудил? Кино смотрите? Да! Извините за поздний... Нет, нет! Все прошло нормально. Очень хорошо! Было весело, зря отказались. Нет, я не в обиде. Знаю. Знаю. Конечно, семья превыше всего. Вот я и беспокою вас, потому что и у меня семейные проблемы. Нет, не с Антониной. У нас все в порядке. Проблема с моим братом. Нет он не в Москве живет. Потому я и хотел бы уехать на родину денька на три-четыре, как вы? Обойдетесь без меня? Спасибо! Спасибо! Оформите административный на четыре рабочих дня, плюс еще выходные, думаю, дольше не задержусь. Ладно. Спасибо, передам. Спокойной ночи!

К тому времени Антонина, уже переодевшаяся в халат, стояла возле мужа.

– Значит, решил поехать?

– А как же?!

* * *

Вот Павел заходит в знакомый подъезд, где живет Петр. Поднимается на третий этаж и останавливается, остолбенев от увиденного, стоя на предпоследней ступеньке лестничного марша и держась за перила. Он долго смотрит на двери 51-й квартиры. Номерного знака уже нет, там, где висели цифры, обивка оторвана и висит клоч, почти до середины двери, где

находился глазок, а самого глазка уже нет, на его месте сквозное отверстие. Вокруг отверстия тоже обивка оторвана так, что кое-где виднеется деревянная дверь и клочками висит обгорелый ватин. Красивой хромированной ручки уже нет, вместо замочной скважины – тоже сквозное отверстие, вокруг которого не просто отсутствует обивка, а топором разбита и дверь, и наличники.

«Видимо, потеряв ключ спяну, проник домой с помощью топора», – подумал Павел и подошел к двери, хотел звонить, видит: нет кнопки звонка, вместо кнопки торчит оборванный конец провода. Осторожно сунул палец в отверстие для личинки замка и пошатнул дверь. Слабо скрипя, дверь пошла назад. Она была не затворена. Открыв дверь, Павел переступил обшарпанный порог и не узнал шикарную прихожую квартиры матери. Ковролина нигде не было, вместо него многократно облитый чем-то, ни разу не подметенный пол, где даже не было видно, дощатый пол или паркетный. Не было встроенных шкафов. Пеноплен, оторванный от стен, где висел клочками, где совсем отсутствовал. Павел посмотрел в комнату, ахнул. Комната была совершенно пустая, только в углу лежала куча непонятного мусора. Стены – голые, обои кое-где оторванные, ни занавесок, ни гардин. У балконной двери внутреннее стекло на уровне человеческой головы было разбито. На полу валялись осколки. На подоконнике стояло несколько пустых бутылок из-под водки и массивная пивная кружка с разбитой ручкой. В углу подоконника лежало полбатона белого хлеба и кулек, на дне которого лежали несколько жареных килек.

Павел подошел к двери в маленькую комнату, открыл и от запаха перестал дышать. Вошел в комнату, видит: так же кругом обшарпана, мебели никакой нет, только одна никелированная кровать, найденная где-нибудь на свалке, поскольку никель давно облез, и головки заржавели. На ней лежит рваный матрац без простыни, от грязи уже черная подушка, набитая ватой, местами подпаленная и рваная. На кровати лежит пьяный Петр в одежде и в дырявых ботинках, накрытый ватным порванным грязным одеялом. Возле кровати табуретка, на ней стоит недопитая пол-литровая бутылка водки. Напротив кровати стоит двухстворчатый платяной шкаф, одна створка у которого оторвана и прислонена к стене.

Первым делом Павел открыл окно. От вошедшего внутрь свежего воздуха Петр очнулся. Открыл глаза, увидел на табуретке бутылку, закрыл глаза и протянул руку к ней. Павел заметил это и убрал бутылку. Петр, не открывая глаз, стал шарить рукой по табуретке, искать бутылку. Видит, нет бутылки, резко приподнялся и открыл глаза. Увидев Павла, заулыбался, лег на подушку, поднял растопыренными пальцами правую руку для привычного приветствия и произнес:

– Павлик, привет!

Павел, вместо того, чтобы ладонью ударить по руке брата, как у них было заведено, ударил бутылкой. Петр, у которого глаза были приоткрыты, увидев это, схватился за бутылку мертвой хваткой и, вырвав из рук Павла, жадно стал пить из горлышка.

– Во что ты превратился, Петя? Вместо человеческого сознания у тебя появился животный инстинкт. С каким остервенением ты впился в эту бутылку?

– Брат, ты мне мораль не читай, я очень спать хочу. Всю ночь не смог заснуть: у меня нечего было пить, меня колотило, ты не представляешь, как. Думал, умру. К бабке Насте ходил за самогоном, она уже мне по записи не отпускает. Гадина, меня выгнала за ворота. Собаку спустила. Утром Мишань зашел ко мне, жрать принес и поллитру, он мне был должен. Там на подоконнике есть поесть чего, Паша, угощайся. Я сейчас немного посплю, потом встану, поговорим. – И повернулся к стене на правый бок.

Павел хотел ему что-то сказать, но в это время кто-то постучал во входную дверь.

– Есть кто дома? – слышался голос через полуоткрытую дверь.

Павел вышел в большую комнату, видит, в прихожей мужчина, прилично одетый, с дипломатом в руке.

– Заходите, пожалуйста! Я предполагал, что это кто-нибудь из собутыльников брата. Ошибся.

– Петр Антонов здесь живет? – спросил мужчина.

– Здесь.

– Я хотел спросить, не вы ли Петр, потом вспомнил, что у него был брат-близнец. Кажется звали Павел. Вы, наверно, Павел?

– Мне тоже ваше лицо знакомо, но не могу вспомнить, где мы встречались.

– В военной форме могли бы узнать меня. В лице я не особо изменился.

– Узнал, узнал! Капитан Елисеев из особого отдела.

– Угадали, но теперь полковник Елисеев из комитета госбезопасности. Где ваш брат?

– Лежит без задних ног в другой комнате, но там дышать нечем. Я только что открыл окно, пусть немного проветрится, пока вы мне скажете, что же он мог натворить такого, что им заинтересовался КГБ.

– Разумеется. У меня и к вам будут вопросы, не предполагал с вами встретиться здесь. Можем где-нибудь сесть, побеседовать?

– Я сам сюда вошел пять минут назад, вижу, шикарные апартаменты моей матери превратились в свинарник. Пойдемте на кухню, не знаю, там есть на что сесть?

Павел открыл дверь на кухню.

– Есть, две табуретки есть, стол грязный, но я найду тряпку, вытру. Проходите, пожалуйста, на кухню!

Елисеев зашел на кухню и сразу обратил внимание на черный закопченный потолок.

– Ну и запустил квартиру ваш брат.

– Вы бы заходили сюда, когда мать была жива. Не квартира была, а царские палаты: ковры, мебель. Все продал, пропил, наверно. Я сам живу в Москве, уже больше восьми лет не приезжал сюда. Знал, что мой брат работает в гаражном кооперативе сторожем, но не знал, что он так опустился. С завтрашнего дня займусь его лечением от алкоголизма.

– Уже поздно, не успеешь. Теперь его лечением займутся органы.

– Ах да. Вы еще не сказали, я еще не знаю, что он натворил.

– Вы знаете, не мог он вам не рассказывать об Адольфе Бюргере, точнее о фотографии Никитине Никаноре Ивановиче. – Елисеев открывает свой дипломат и вытаскивает фото Никитина, сделанное с трех сторон: слева, анфас и справа. – Вы знаете этого человека?

Павел посмотрел внимательно.

– Никогда не видел. Это и есть фотограф? Не знаю, как его звать, сам не встречался с ним, но брат говорил, что он познакомился с одним фотографом, якобы фронтовым другом нашего отца.

– И вы не захотели видеть фронтового друга отца? Я уже знаю, что ваш отец погиб на войне. Неужели не дорога память собственного отца, чтобы познакомиться с его фронтовым другом.

– Да никакой он не фронтовой друг. Брат мой в такие дебри не влезал, ничем не интересовался, даже не знает, какого года рождения наш отец, когда их в армию призвали вместе братом-близнецом. Этот фотограф рассказывал, якобы наш отец в сорок четвертом ему жизнь спас и погиб в его руках. Он лично похоронил отца с почестями. А нашего отца призывали в армию только в феврале сорок пятого года. Я в школе был следопытом. В свое время докопался, что их полк формировали только в конце апреля сорок пятого года и послали на передовую в район Кенингсберга. Я сразу понял, что это липовый друг.

– А насчет пойманного, точнее, расстрелянного им шпиона он ничего не рассказывал?

– Нет. Хотя я в свое время его спросил: «Что это за глупый шпион, пошел прямо на часового. Если хотел пробраться на территорию базы, сколько других удобных мест можно

было найти, зачем переть прямо на часового? А он ответил: «Он думал, что я его пропущу». Я удивился и спросил: «А ты что, с ним знаком?», он ответил: «Я его никогда не видел».

— Год назад в Западной Украине люди узнали одного типа, который во время оккупации работал полицейским у немцев. Доложили нам. КГБ стал им заниматься. Выяснилось, что он еще в начале войны дезертировал из Красной Армии и перешел на сторону немцев. Вначале он обучался в разведшколе, затем, когда поняли, что он в разведчики не годится, отчислили. Когда его дело передали мне, во время допроса я возьми да спроси про Волкова, про того человека, которого твой брат застрелил. Тот тоже во время войны, как объяснил, попал в плен, а там согласился сотрудничать с немцами и тоже обучался в разведшколе. Этот полицейский вспомнил Волкова и в разговоре как-то произнес, что инструктор по боевым единоборствам Адольф Бюргер всегда хвалил Волкова, ставил им в пример. В свое время в кармане убитого Волкова нашли телефон под именем Адольф, а телефон принадлежал фотографу. Это я вспомнил, разбирая дело с участием твоего брата. Достал фотографии этого Никанора Ивановича, и полицейский узнал его. Месяцев шесть наблюдали за ним и уличили, что он резидент одной иностранной разведки, работает фотографом под фамилией Никитин. Долго его раскалывали: хитер он, разведчик. Все же вынужден был признаться. Признал и то, что убийство Волкова он организовал в сговоре с вашим братом. Так что он знал, в кого и зачем стрелял.

— А зачем это ему нужно было? По просьбе фронтового друга отца?

— Нет. Он хотел заработать поощрение в виде отпуска домой. Пойдем теперь, разбудим его, он сам расскажет, как все это было.

— Он пьян вдребадан, не знаю, сможет ли что-нибудь вспомнить.

— Я там на подоконнике в комнате видел пивную кружку. Принесите, пожалуйста, наберем холодной воды.

Павел пошел в комнату, взял кружку, набрал воды и вместе с Елисеевым вошли в маленькую комнату, где спал Петр. Елисеев взял у Павла кружку с водой и горсть воды плеснул на лицо Петра. Тот тряхнул головой, вытер рукавом лицо и повернулся на другой бок.

— Ну ты, Паша, чудак! Дай поспать!

Елисеев вылил всю кружку на голову Петра. Тот вскочил и сел. Недоуменно смотрел на брата и Елисеева, стал руками щупать подушку.

— Как теперь я спать буду на этой мокрой подушке? — негодовал Петр.

— Теперь долго ты не будешь спать на этой подушке. Тебе и подушку дадут новую, и нары, почище твоей кровати, — спокойным голосом стал объяснять Елисеев. — Ты меня узнал?

— Узнал, Николай Иванович.

— А вы говорите, он вдребадан, не вспомнит. У него память лучше, чем у вас, — засмеялся Елисеев.

— Товарищ капитан, в последнее время вы часто снились мне. Я вас как будто ждал и боялся. Этот инцидент всю жизнь меня угнетает. Я не героем стал, а калекой. Так я хотел этого паразита, фронтового друга отца, задушить собственноручно, но... я очень трусливый, у меня не хватило мужества пойти заявить в милицию, что все это не так было. Совесть мучает, а ничего не могу сделать.

— Да, убить человека — большой грех, всю жизнь будет мучить совесть, — подтвердил Елисеев.

— Убить? — удивился Петр. — Если бы я его убил, я вообще бы сошел с ума. Меня мучает то, что я стал липовым героем, якобы блестяще выполнившим свои воинские обязанности, а в самом деле из-за корыстных намерений нарушил устав и правду об убийстве никому не говорил.

— Постой, постой! — прервал Петра Елисеев. — Как это не ты стрелял в него?

– Когда я им дал знак фонарем и они из леса пошли ко мне...

– Кто они?

– Этот нарушитель и Никанор Иванович, у меня руки задрожали. Боялся, что с высоты промахнусь, слез с вышки и решил стрелять из положения лежа. Все равно промахнулся, чуть задел ему левое плечо.

– А потом?

– А потом бросил винтовку, как последний трус, и убежал. Оттого и ранение ноги сзади. Потом услышал еще выстрел, но это не в меня стреляли. Это Никанор уложил этого нехорошего человека.

– А когда же ты из винтовки стрелял и попал ему в глаз?

– Это когда уже он был мертв. Никанор Иванович позвал, даже приказал подойти, взять винтовку и стрелять ему в лоб. Я боялся к нему подойти, думал, он опять в меня выстрелит. А Никанор Иванович говорит: «Не бойся, он уже мертв!» Все же у меня руки задрожали, в лоб не попал, а попал в глаз.

– Ну и дела! – Елисеев встал и пошел к выходу, открыл входную дверь и пригласил двоих, ждавших его на лестничной клетке, людей.

– Ну, липовый герой, тебе одеваться нечего, ты даже обутый уже, сейчас пойдешь с нами и расскажешь все это поподробнее. – Затем Елисеев обращается к Павлу. – Квартиру опечатать надо? Ведь он не скоро вернется сюда.

– Не стоит. В этой квартире прописана еще его жена. Она ушла от него, живет сейчас у родителей. Юридически теперь она хозяйка этой квартиры.

* * *

По улице идут Павел Антонов и Лариса. У обоих грустные лица.

– Ты говоришь, лет пять не заходила к нему домой? – спрашивает Павел у Ларисы.

– Да, как он отобрал у меня ключи, я к нему больше не ходила. За ним я следила постоянно, но издали, чтобы он не увидел меня. Все ждала, что он опомнится, ему надоест эта холостяцкая жизнь, и сам подойдет ко мне с извинениями. Ведь я его, паразита, до сих пор люблю. Он был моей первой любовью и, наверное, последней. Я теперь почти старуха, и еще буду ждать, пока он срок отбудет. А большой дадут ему срок?

– Убийство человека по предварительному сговору, нарушение уставных обязанностей, кто его знает, что еще припаяют. Я-то не юрист, не знаю. Видимо, большой.

– А ключи от квартиры ты у него не отобрал?

– Его квартира, видимо, давно не запиралась. Ни замков, ни ключей и ничего, что было при матери, не осталось. Ты купи замок, найми мастеров, пусть отремонтируют дверь. Когда в первый раз туда пойдешь, возьми кого-нибудь с собой, я боюсь, ты там в обморок упадешь. Можешь туда переехать жить, можешь в наем отдать. Квартира теперь твоя. Я тороплюсь вернуться в Москву, найти хороших юристов, проконсультироваться. Если нужно, хороших адвокатов нанять. Я даже не знаю, с какого времени нанимают адвокатов: когда идет следствие или когда дело передадут в суд.

Лариса вдруг заплакала.

Павел стал успокаивать ее.

* * *

Прошло еще пять лет...

В углу небольшой комнаты в доме Павла Антонова за письменным столом сидит дочь Антонова Маша и делает уроки. Мать стоит над изголовьем дочери и наблюдает. Дочь решает вслух:

– Два плюс пять плюс семь будет четырнадцать и два в уме, будет шестнадцать. Тысяча шестьсот тридцать четыре, правильно?

– Молодец, дочка, правильно. Теперь собери все в портфель, пойдем папу встречать.

– Куда? На вокзал?

– Нет, доченька, на вокзал не успеем. Возле дома мы его подождем.

– Я его попросила из Риги привезти мне что-нибудь вкусненькое. Что там есть такое, чего у нас нет?

– Рижский бальзам в таких глиняных бутылках, но это для взрослых, не для тебя. А тебе папа найдет что-нибудь вкусное, привезет.

Тут раздается звонок в дверь.

– Ну вот и папа приехал, видимо, брал такси, в метро так быстро бы не успел, – сказала Антонина и пошла открывать дверь. Дочь побежала за ней.

Вошедший в коридор Павел поцеловал жену, затем подбежавшую дочь поднял на руки, поцеловал и отдал ей небольшой дорожный чемоданчик, с которым он ездил в командировку, а сам стал раздеваться, переобуваться.

– Вот, Машенька, иди открывай, там тебе гостинцы есть.

Маша побежала с чемоданчиком на кухню и вскоре закричала:

– Ой, жвачки! И как много! Я в классе всех подруг угощу. А эта коричневая бутылка – рижский бальзам, папа?

– Ты это не трогай, дочка. Это не для детей.

– Ну как прошел семинар? – спросила Антонина.

– Весьма полезно. Я в своем докладе разнес в пух и прах тех консерваторов, которые цепляются за все старое, якобы уже не раз опробованное, боятся всяких новаций. Три дипломные работы моих студентов, что я представлял, решили внедрить в производство. Нашлись смельчаки, не боялись, решили внедрить. Согласились со мной, что это окупится очень быстро.

Пока Павел рассказывал жене о результатах своей поездки, он уже разделся, и они вместе с женой прошли на кухню. Там дочь уже достала вазу из серванта и все жвачки: кубики и кирпичики в невзрачной обертке, но для московских детей – диковинка, собирала в нее.

– Теперь слушай, Паша, и не ругай меня, что это письмо я не показывала тебе три дня назад, перед поездкой, была уверена, что ты, прочитав его, не поедешь на семинар.

– От кого письмо, от Петра?

– Нет, от Ларисы.

* * *

И вот Павел Семенович сидит на откидной скамейке в коридоре вагона держит в руке это письмо и мысленно ругает брата: «Ах Петр, Петр, почему ты выбрал такой путь?»

К нему подходит проводница и спрашивает:

– Сейчас буду чай подавать, вам опять три стакана без сахара?

– Да, доченька. У меня диабет, я сахар не употребляю, у меня заменитель.

Встает Павел Семенович и уходит в купе. Пассажиры на верхних полках спят, на нижней лежит пожилой мужчина и читает книгу. Увидев вошедшего Павла с грустным лицом и с клочком бумаги в руке, он заговорил:

– Вы второй день читаете этот клочок бумаги и шибко расстраиваетесь. Семейные неурядицы?

– Угадали. С братом плохо.

– Сейчас редко кто за брата так глубоко расстраивается, так убивается. Видимо, очень любите своего брата?

– Мы близнецы.

– Да! У близнецов совершенно иная карма.

* * *

В кабинете начальника лагеря сидит Павел и беседует с майором, начальником лагеря, с мужчиной средних лет с черными волосами, с густыми бровями и усами.

– Значит, он не желает отсидеть свой срок? – спрашивает Павел.

– Нет. Что-то другое его угнетает, то ли совесть, то ли чувство вины, а вероятнее всего, это последствия алкоголизма. Ведь он, по рассказам жены, в последние годы вольной жизни опустился до некуда. При этом человек полностью деградирует. Сейчас у него тяги к спиртному нет, но сознание еще долго останется сдвинутым.

– В момент подобного затмения он старается покончить с жизнью?

– Сейчас уже ребята выбили эту дурь из его головы. Он парень трусливый, а ребята здорово напугали. С воспитательной целью его привязали к кровати, чтобы он швы на животе не повредил, хотя рана у него небольшая: тупым ножом хотел живот распороть, но только кожу повредил, а кишки не задел. В таком положении они его хорошенько отлупили и напугали, мол, если он еще раз вздумает на себя руки наложить, они его отлупят до смерти.

– Страх страшнее смерти, – заметил Павел.

– Вот-вот! – подтверждает майор. – А сейчас в лазарете Вован. Это один криминальный авторитет, в лесоповале случайно топором поранил ногу, сейчас лечится. Брат твой его боится и ведет себя очень смирно.

* * *

В тюремный лазарет входит Павел в сопровождении майора. В небольшой комнате лазарета четыре койки, на трех из них лежат больные. На одной, что ближе к окну, лежит Петр. На койке напротив лежит здоровый парень, широкоплечий Вован, все тело в наколках. Лежит он на боку в одних трусах. Третий больной спит.

Увидев вошедшего брата, который по привычному для них способу приветствия поднял правую руку с раскрытой ладонью и приблизился к брату, Петр, вместо того, чтобы поднять свою ладонь и ударить по руке брата, сел, закрыл руками глаза и стал плакать, как ребенок.

Павел поздоровался с Вованом, сел на койку к брату, обнял его.

– Ну что ты, Петя, как ребенок, не стыдно плакать? Ты же мужчина, это тебе не к лицу, – стал успокаивать брата Павел.

– Я подлец, Паша, я не имею права жить, я должен умереть, но мне не дают здесь умереть.

– Не переживай Паша, ты обязательно умрешь, но после того, как проживешь отпущенный всевышним свой век. Самоубийство – это большой грех, непослушание всевышнему, уход из жизни раньше положенного срока, дезертирство с грешной земли. Поэтому таких людей прямиком отправляют в ад. Таких людей там наверху не любят. Даже на земле, ты же книг не читаешь, а то бы знал, что самоубийц раньше запрещали хоронить в общем погосте, как больших грешников. И люди их не уважают. Ты здесь, на Земле, проживешь

годы, дай бог, несколько десятков лет, а душа в аду будет мучаться веками. Ты это понимаешь? Откуда ты взял, что не имеешь права жить? Даже однажды, когда ты хотел совершить грех, убить человека, господь бог одернул тебя за руку и ты с пяти метров промахнулся.

– Я убил собственную мать. Ты не знаешь, Паша, какой я подлец. Я писал ей, что я уже при смерти, чтобы она мне побольше денег выслала. Какая мать вынесет такое сообщение о любимом сыне? Конечно, у нее сердце не выдержало. Ты понимаешь это? Я убил собственную мать.

Павел засмеялся.

– Не будь ты дураком, Петя. Если бы мать узнала, что ты при смерти, она бы на последнем дыхании прилетела к тебе. А то, что денег она не высылала, это я ей писал, поскольку деньги тебе не нужны были. А о твоём состоянии она знала отлично. Я ей писал каждый раз все подробности, даже записку из «Красной звезды», где было написано о твоём героическом поступке, я послал ей. А то, что у нее случился инфаркт, это так было начерчено всевышним. Подошел ее срок, и господь забрал ее на небеса. Ты об этом не горюй.

Петр обнял брата и стал целовать.

– Ты, брат, убрал булыжник из моего сердца, который давил на меня день и ночь... – Он слез с кровати, рукой поддерживая шов, и стал надевать тапки. – Извините, мне надо в туалет.

Вован тоже встал, надел тапки, поддержал Петра за спину, его свободную руку перекинул себе на плечо и, хромя сам, повел Петра на выход.

– Ты прямо как проповедник, очень убедительно напугал его потусторонними страстями, – как только больные вышли из лазарета, заметил майор.

– Я-то коммунист, сам не верю этому, но он верит в рок, для него это полезно. Конечно, своим поведением он всегда нервировал мать, но к смерти ее он не причастен. У матери были другие веские причины пережить инфаркт.

Тут заходят Петр и Вован.

– Он отличный малый, – заговорил Вован, – что-то в дурь попер, что у него много грехов, которые не дают ему жить.

– Да откуда у него грехи? – засмеялся Павел. – Один раз хотел совершить грех, лишит человека жизни, и то не сумел.

– Вот у Вована надпись на плече: «Не забуду мать родную!», он обещал и мне сделать такую татуировку, – радостно заявил Петр.

– Отлично, – вмешался в разговор майор, – и ты всегда будешь помнить мать, в смерти которой, оказывается, ты не виновен.

* * *

Павел Семенович на кухне своей квартиры завтракает. Антонина в халате и в бигуди подает мужу завтрак.

– Я помню, когда ты кандидатскую защищал, я письмо Ларисы два дня не показывала тебе. Была уверена, что ты бросишь все, побежишь брату помогать. Вчера получила это письмо от Петра, прямо испугалась. Думала, опять что-то не так, и опять в день защиты диссертации. Открыла, прочла, успокоилась. Ты извини, что я открыла твое письмо, я боялась, подумала плохое. Когда прочла первые предложения: «Здравствуй, брат, я жив, здоров, через месяц отмотаю свой срок», дальше не стала читать. Что он там пишет?

– Решили они с Ларисой после освобождения остаться там жить. В леспромхозе ему обещают выделить комнату. Ему там какую-то выгодную работу обещают, не пишет, какую. Просит выслать ему несколько моих старых костюмов, которые, как он пишет, профессору не к лицу надевать, а ему в тайге – самый раз. Сейчас пока в тюремной робе ходит, а после

освобождения ему надевать нечего. На накопленные деньги Ларисы хотят обставить комнату.

– И костюмы, и пальто, и даже ботинки свои, которые уже не носишь, собери и отправляй, товарищ профессор. Брат уже тебе присвоил это звание. – Антонина стучит по деревянному подоконнику и плюет через левое плечо. – Да дай бог, чтобы ты защитился сегодня.

– А ты что, сомневаешься?

– В тебе я никогда не сомневалась, – целует в щеку мужа и кричит в сторону комнаты. – Машенька, папа уходит, иди, пожелай ему ни пуха ни пера.

На кухню заходит дочь Павла Семеновича – Маша, уже взрослая девушка, девятиклассница, в ночной пижаме, обнимает отца, целует и говорит:

– Ни пуха, ни пера, папочка!

– К черту, к черту, доченька! – Берет свой кейс и выходит из квартиры.

* * *

В спортивном зале школы идут соревнования между классами по волейболу среди девочек. За команду девятого класса «А» играет Маша Антонова. Она играет очень хорошо и разыгрывающие игроки часто стараются подбросить ей мяч под удар. И после каждой удачной атаки ее одноклассники скандируют «Маша! Маша!».

В спортзал заходит завуч, модная дама в короткой юбке и на высоких шпильках. Она обращается к учителю физкультуры, который в данный момент со свистком в руке судит матч:

– Сергей Тихонович, на минуточку остановите игру, я хочу сделать небольшое объявление.

После очередной потери мяча судья дает длинный свисток и жестом показывает: тайм-аут.

– Внимание! Все слушают меня! – громким голосом говорит завуч. – Здесь какие классы? Девятые «А» и «Б». Значит, так: администрация плавательного бассейна «Дельфин» по просьбе нашей школы выделяет для нас тридцать абонементов на следующий месяц. Дирекция школы решила отдать эти абонементы в первую очередь тем ученикам, которые участвуют в соревнованиях по плаванию в сборной команде школы. Оставшиеся абонементы затем могут выкупить желающие. Значит, из девятых классов, – разворачивает бумагу и читает, – Козлов, Севастьянова, Силкин, Антонова и... и... и Филиппов. Завтра всем перечисленным ученикам принести деньги.

Завуч уходит, судья дает свисток на продолжение матча.

* * *

На кухне у Антоновых дочь Маша с матерью ужинают. Дочь говорит матери:

– Мама, велели завтра принести деньги, выкупить абонементы в плавательный бассейн «Дельфин».

– Дочка, ты представляешь, у меня уже денег не осталось. Вчера решила зайти на «Рижский» рынок, раньше я любила там делать покупки, давно туда не заходила. Наша перестройка ощущается там особенно. Перестраиваются только цены в геометрической прогрессии и только вверх. Все деньги оставила там, а купила меньше половины того, что наметила взять. Я отцу твоему давно говорю, что пора и мне устраиваться на работу, на одну зарплату сейчас трудно стало жить. Он говорит: «Жене профессора не к лицу стоять у прилавка». У отца зарплата только в начале следующего месяца. Он много денег потратил на ремонт сво-

его «жигуленка». Придет, узнаем, остались ли у него деньги. Если нет, попросим с книжки снять.

* * *

Павел Семенович в пижаме сидит на диване и смотрит телевизор, где то и дело прерывается передача и показывают рекламу МММ. Он в сердцах плюет и выключает телевизор.

– Фу! Не дают спокойно смотреть телепередачи. До чего же надоела эта реклама. Это чистое насилие над телезрителем. Полощут наши мозги, как хотят. Сидя у телевизора можно и рассудка лишиться.

Так долгий период времени Павел Семенович включал телевизор, смотрел, злясь не только на рекламу, но на все передачи, которые вызывали у него раздражение. А таких передач в этот исторический период было весьма много, ибо события, происходящие в стране, одобряли не все телезрители. И, естественно, коммунист Антонов Павел Семенович не мог смотреть на эти события одобрительно. Каждый просмотр подобных передач заканчивался тем, что он либо в сердцах выключал телевизор, либо негодовал. Вот он смотрит о путче ГКЧП, вот дальнейшая разборка их деятельности, вот сообщение о Беловежских соглашениях, вот толпа людей несет по Тверской улице Москвы огромное полотнище российского трехцветного флага, вот вооруженные люди на грузовиках направляются к Останкинской телебашне, вот Мстислав Ростропович, прилетевший в Москву, с автоматом в руках защищает Белый дом, вот танки с моста прямой наводкой обстреливают Белый дом и из окон верхних этажей валит густой дым, и, наконец, во весь экран телевизора сияющий портрет Ельцина. И всегда Павел Семенович либо злился, либо ехидно улыбался, либо выключал телевизор.

И вот он, сидя на диване, читает газету, в сердцах бросает ее на диван и кричит:

– Антонина, ты представляешь, день коронации Ельцина сделали всероссийским праздником, а советские и пролетарские праздники постепенно ликвидируют. Вот дерьмократы!

– Что ты их хаешь? – из кухни отвечает Антонина. – Вы сами, коммунисты, затеяли эту перестройку, демократы продолжили ваше начинание, а потом попутно и вас оттолкнули от власти.

– Коммунисты о народе думали, правда, и о себе не забывали, но это мелочи. А эти дерьмократы совсем не думают о народе. Только стремятся как можно больше прихватизировать. Придумали какую-то ваучеризацию, якобы для справедливого деления государственного добра между его населением. Ваучер, стоимостью, как минимум, машина «Волга», Дмитрич, наш сосед с первого этажа, продал за две бутылки водки и рад. А я сколько лет копил на «Волгу»? Думал, поеду моего внука из родильного дома привезу домой на «Волге», а теперь на эти деньги я куплю только четыре наваренные покрышки к моим старым «Жигулям». Как можно было так обесценить российский рубль? Коммунисты никогда бы не допустили такого. – Уже сел за стол на кухне, и жена стала ему подавать еду.

– А что же вы, коммунисты, так без боя, бездарно сдали свои позиции? – с упреком заметила Антонина.

– Знаешь закон кораблекрушения? Когда тонет корабль, его первым покидают крысы, а капитан покидает последним. У нас же получилось наоборот: первым покинул тонущий корабль КПСС его капитан, а крысы этого и ждали, они не просто разбежались, а под торжественный марш тех, кто стремился потопить его, уходили гордо, стараясь прихватить с собой что-нибудь ценное. Вот почему опешившая от такого поворота команда очухалась только тогда, когда корабль уже лежал на дне. Ну ладно с этой политикой, как бы нам в аэропорт не опоздать. Ты поедешь со мной брата встречать?

– Поеду, конечно. Как он звонил – «прилетаю с женой»? Я уже лет десять не видела Ларису. Увижу – не узнаю. А брата твоего не видела и того больше. Если бы не сходство с тобой, я бы, наверное, не узнал его.

– А сам-то я, когда видел их в последний раз? Когда ездил к ним, он еще был в колонии, отбывал свой срок. Помнишь? Он хотел себе харакири сделать.

– Раньше он почаше писал, то помощь просил, то с днем рождения поздравлял. Последние лет пять вообще что-то писать перестал. Вот что я думаю: у тебя два костюма, которые ты вообще не носишь. Они хоть поношенные, но не замызганные. Отдашь их брату. Я из своих нарядов кое-что отобрала, Ларисе отдам. Если она не обабела, ей подойдут, мы с ней были одинаковой комплекции. Они, наверное, у нас останутся, мы их разместим в Машиной комнате. Как он говорил, надолго останутся в Москве?

– Он говорил: «Мы проездом, на кругосветку, в свадебное путешествие». Какой-то чудной стал, пойми его. Велел обязательно приехать в аэропорт.

– Может быть, их с одного аэропорта на другой надо перевозить, просят помочь. Тогда я все эти тряпки соберу в одну кипу, возьму с собой, если домой не заедут, я их там вручу.

* * *

Вот они едут на стареньком «ВАЗ-2103» по дороге в аэропорт Домодедово с небольшой скоростью в правом ряду. Слева то и дело их обгоняют на большой скорости различные иномарки, новые «девятки», «Волги».

– Сколько же иномарок появилось на наших дорогах?! Летят как сумасшедшие, – заметила Антонина.

– Все, что за границей давно пора было под пресс, загоняют сюда. А наши хватают, – ответил Павел Семенович.

– Однако они летят, как ласточки, а твоя пыхтит и еле едет, хотя, ей еще рано, как ты выразился, под пресс.

Павел Семенович обиделся на эти слова и нажал на акселератор. Вдруг машина зачихала и начала издавать какие-то хлопки. Павел переехал на обочину дороги и остановил машину.

– Сглазила! – укорил жену и вышел, открыл капот. – Дмитрич давно обещал установить зажигание и проверить карбюратор, но никак я его трезвым не застану.

– У Дмитрича три класса образования, тебе, профессору, было бы стыдно обращаться к нему.

Долго копался Павел Семенович, пока наладил. Завел машину, и поехали дальше. Посмотрел он на часы и заявил:

– Самолет уже двадцать минут, как прилетел, а нам еще столько же ехать. Как бы они не сели на автобус, тогда разминемся.

– Да подождут они, куда не денутся. Раз просили приехать, надеются, что ты их увезешь куда надо, видимо, в другой аэропорт. Не встретив тебя, не уедет твой брат.

Вот подъехали они к зданию аэропорта. Павел Семенович загнал машину на платную стоянку. Вылезли они из машины. Антонина смотрела на большую сумку с одеждой, что лежала на заднем сиденье.

– Может, сумку в багажник закроешь? – спросила она мужа.

– Да ее никто не возьмет, – ответил Павел Семенович и стал закрывать ключом передние двери и багажник, положил ключ в карман.

Только хотели они отойти от машины к зданию аэропорта, как услышали голос Петра:

– Паша!

Обернулся Павел, видит – Петр, в шикарном малиновом костюме, в галстук, подходит к ним. Еще издали поднимая вверх правую руку с распахнутой ладонью и ускорив шаги, он подошел к ним. Павел тоже поднял руку, ударил по руке брата и обнялись. Затем Петр поздоровался с Антониной, взял ее руку и поцеловал.

– Я заждался вас тут. Думал, неужели брат не приедет?

– Ты извини, Петя, на дороге машина зачихала, зажигание было сбито, да и карбюратор забарахлил. Пока наладил, минут сорок потерял.

– Немудрено, что она зачихала. Что же ты едешь на этой доисторической «антилопе гну». Я предполагал, что ты уже на иномарке пилотируешь.

– Ты один приехал? – прервала их разговор Антонина.

– Нет, с женой. Пойдем, она в комнате для депутатов. Ведь я уже три года числюсь помощником областного депутата.

Пошли они к зданию аэропорта, вошли в здание и зашли в комнату, где за столом сидела одна молодая, модно одетая дама и пила чай.

– Вот, познакомьтесь, моя жена, Дуся-сибирячка, – представил им ее Петр.

– А Лариса? – тихо произнесла Антонина.

– Ларису я обеспечил на всю оставшуюся жизнь, и разошлись с миром. Поженился я с Дусей, сейчас решили отправиться в Европу, как говорится, в свадебное путешествие.

Павел с Антониной поклонились Дусе и чуть ли не в один голос произнесли:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – ответила Дуся и встала, в левой руке держа чашку с чаем, правую протянула к ним, чтобы поздороваться.

– Это мой брат, Павел, – представил Петр.

– Павел, – произнес Павел Семенович и пожал руку Дусе.

– Евдокия, – ответила она.

– А это его жена, Антонина.

– Антонина, – протянула руку Антонина.

– Евдокия, – сухо ответила Дуся, и все замолчали.

Образовалась какая-то пауза.

– Сейчас мы надолго не можем останавливаться в Москве, – затеял разговор Петр, – завтра улетаем в Париж. На обратном пути опять вернемся домой через Москву, тогда побольше остановимся в Москве. Вы подружитесь, покажете ей Москву.

– К тому времени моя дочь выпишется из родильной. Она живет в нашем подъезде, этажом ниже, твоя ровесница, вы подружитесь. Она покажет тебе Москву.

Дуся словно обиделась, пошла, села за стол и стала попивать свой чай.

– Дуся, ты на нее не обижайся, – вмешался Петр, – она подруга Ларисы. Правда, Паш, ты уже дедом стал? – бьет по плечу Павла. – Сядь на диван, поговорим.

Павел с Петром, затем и Антонина, сели на диван.

– Да, со вчерашнего дня я уже дед.

– Ты счастливый, Паша. Я всю жизнь мечтал иметь детей, но Лариса не смогла дать мне этого счастья. Вот почему и разошлись. Я не половой развратник. Сейчас Тоня уколола, что Дуся ровесница твоей дочери. Сам подумай, если бы я женился на моей ровеснице, на вдовушке, какой интерес? Я Ларису очень уважал, так жили бы с ней до конца своих дней. Паша, я тоже хочу оставить после себя наследника. Вот Дуся обещает подарить мне своего Гвидона из рода Антоновых. Я бы хотел, чтобы она мне родила двойню. Это заложено в наших генах.

– И я буду рад, Петя, если у тебя будут дети мужского пола, наша фамилия не исчезнет в двадцать первом веке.

Тут кто-то стучит в дверь и без ответа изнутри открывается дверь и молодой человек здорового телосложения заходит в комнату.

– Господин Антонов, – докладывает он, – машина вернулась, можем ехать. Владимир Сергеевич велел передать, что деловая встреча состоится вечером в ресторане «Арагви». Еще велел передать, чтобы ты пригласил на вечер своего брата с семьей. Он его знает, говорит: «хороший психолог», ему очень понравился.

– Спасибо, Миша! Вот эти два чемодана отнеси в машину, сейчас мы спустимся вниз. Молодой человек берет два чемодана, стоящие в углу, и смотрит на большой баул.

– За этой сумкой мне вернуться?

– Нет, спасибо, это я прихвачу.

Молодой человек с чемоданами выходит из комнаты.

– Телохранитель моего босса, – говорит Петр, – очень культурный и хороший парень.

Он берет оставшийся баул и подносит к дивану, садится, открывает баул и вытаскивает две коробки. Одна коробка большая, узкая и продолговатая с восточным орнаментом, другая – квадратная. Открывает первую коробку и вытаскивает оттуда большую хрустальную бутылку, выполненную в виде большого рога, наполненную светло-коричневой жидкостью.

– Армянский коньяк. Мои друзья из Еревана привезли мне несколько штук как свадебный подарок, – кладет обратно, закрывает коробку и отдает брату. – Выпьешь за наше счастье с Дусей.

– И за будущего Гвидона, – добавил Павел. – Спасибо, брат, но мы не сообразили тебе приготовить свадебный подарок. Не предполагали такую встречу.

– Разумеется, вы не знали. Да и это ни к чему: свадьба уже была, и свадебных подарков было больше, чем надо. – Открывает он вторую коробку, где лежат три плоские бутылки с темной жидкостью. – А это подарок от моих алтайских друзей. Алтайский бальзам, лучше рижского, можешь в водку добавлять, можешь – в чай или кофе, – закрывает коробку и отдает брату.

– Спасибо!

Петр залезает обратно в баул и вытаскивает тонкую продолговатую коробку, изготовленную из черной бархатной бумаги, заметно, что кустарным способом. Открывает коробку и вытаскивает массивную золотую цепь, на которой висит массивный золотой крест с распятием.

– Это тебе.

– Ты что, Петя? Ты забыл, что я член коммунистической партии, не ношу кресты.

– Какой партии? – переспросил Петр. – Коммунистическая партия Советского Союза ведь приказала долго жить.

– А члены партии, как я, еще живы и здоровы.

– Тогда тебе я другое подарю, а это, – протягивает коробку Антонине, – повесишь на шею моему племяннику.

– Племяннице, – уточняет Антонина.

– Все равно, и она православная, будете крестить. А тебе, Паша, я если смогу, из Европы пригоню иномарку. Если нет, на обратном пути я тебе здесь куплю нормальную машину. Девяносто девятую модель «Жигулей», отличная машина.

– Петя, мне не надо такие дорогие подарки.

– Это не подарок, брат, это возврат долга. Помнишь, в период ваучеризации у меня не было больших денег, я тебя просил выслать, сколько можешь. Ты, брат, не отказывал мне в помощи. Я тогда делал с этими деньгами выгодные операции. Покупал у пьяниц ваучеры за кружку пива, удачно вложил, сейчас я крупный предприниматель.

Вытаскивает из баула большую ювелирную коробку, в которой лежит кольцо с драгоценными камнями.

– А это Антонине, – передает ей коробку.

– Спасибо! – чуть ли не в слезах произносит Антонина и целует в щеку Петра.

– Какой же я дурак, – улыбаясь, мотает головой Петр, – знал, что у вас дочка, но не подумал, что дети имеют привычку расти. Она не только выросла сама, но и вышла замуж и уже стала матерью. А я ей купил детскую игрушку, говорящего попугая, – вытаскивает из баула большого, очень искусно сделанного попугая, щупает на крыле птицы кнопку, нажимает ее и говорит: «Попка-дурак!». Попугай повторяет его слова: «Попка-дурак!». – Это тоже передашь моей внучатой племяннице. Из Европы привезу ей самую шикарную детскую коляску, а племяннице куплю подарок в следующий раз.

* * *

Как только они вышли из здания аэропорта, к ним подошел телохранитель Миша.

– Петр Семенович, сюда! – кричит он и показывает на стоящий возле здания джип с затемненными стеклами.

Они поворачиваются и направляются к машине.

– Как эта гостиница называется? – спрашивает Петр у телохранителя.

– Кажется, «Президент-отель».

– Ты знаешь, где он находится? – спрашивает Петр у Павла.

– Слышал название, но ни разу там я не был. Не знаю, – отвечает Павел.

– Там недалеко памятник такой, Петр Первый на корабле, – объясняет телохранитель Миша. – Я сейчас у водителя узнаю точный адрес. Он москвич, знает названия этих улиц.

– Не надо! – останавливает Михаила Павел и обращается к брату. – На обратном пути не вздумай останавливаться в гостиницах, переночуете у меня.

– Ладно, в гостиницу можешь не ехать, – согласился Петр, – но вечером, после деловой встречи, у нас будет еще торжественная часть с застольем. Туда обязательно приедете. – Обращается к Михаилу: – Как называется этот ресторан?

– «Арагви».

– А где он находится?

– Владимир Сергеевич не сказал, я не знаю, где он находится.

– Я знаю, где находится ресторан «Арагви», – вмешался Павел.

– Вот и хорошо. Туда приедете обязательно. Я с вами не прощаюсь, до вечера!

Поднял он правую руку, чтобы ударить по руке брата, но видит, что у него обе руки заняты подарками, похлопал по плечу брата и пошел к машине.

Тем временем Евдокия, которая не сообразила, что они не поедут с ними, не попрощавшись, пошла к машине, и как только Михаил открыл заднюю дверь, она села в машину.

– С ней-то не попрощались, – опомнился Павел.

– Это она с нами не соизволила попрощаться, соплячка, – со злом сказала Антонина, – обиделась.

Когда Петр напоследок помахал рукой и сел в машину, они повернулись и пошли на стоянку.

Павел открыл машину и подарки положил на заднее сидение, со злом столкнув на пол между сиденьями эту большую кипу, что набрали в качестве подарков.

Антонина заметила этот жест мужа и стала смотреть вокруг, куда бы выбросить эту кипу. Она заметила мужчину, который с метлой в руке скупивал бумаги и другой мусор на территории стоянки, собирал в совок и сваливал в мешок, что стоял на коляске, сооруженной из куска фанеры и ходовой части детской коляски.

– Мужчина! Будьте добры, подойдите сюда! – обратилась к нему Антонина.

Мужчина подошел к ним. Антонина взяла кипу и протянула мужчине.

- Здесь хорошие мужские и женские костюмы. У вас есть жена?
- Есть, конечно, но спасибо, гражданка, мне не на что купить.
- Я не продаю. Если не брезгаете брать чужое, возьмите. Я их так отдаю.
- Не ворованные?
- Нет, не ворованные, не с плеча покойников, это мои с мужем личные вещи. Возьмите и носите на здоровье.
- Спасибо! – обрадовался мужчина, взял вещи и побежал к коляске срочно смотреть содержимое куляка.

* * *

Вот едут в машине Павел Семенович и жена обратно в Москву, молчат. Каждый погружен в свои думы. Антонина начинает размышлять вслух:

– Ваучеризация, прихватизация... Ерунда! Все это было сделано для деловых людей, для умных людей, которые могли по-умному воспользоваться этим. А кто остался не у дел, конечно, хаот и саму перестройку, и перестройщиков. Умные никого не разносят, молча делают свое дело.

– Что ты хочешь сказать, твой муж дурак?

– Быть умным – понятие растяжимое. Ум заключается не только в том, что ты хорошо знаешь математический анализ, теоретическую механику, сопромат, хорошо чертишь, быстро решаешь сложные математические задачи. Умный человек рано встает и много дел делает: сам чистит карбюратор у своей машины, сообразит, куда вложить свой ваучер. А то «Московская недвижимость», «Московская недвижимость»! Скоро выиграем квартиру для дочери! Спасибо, она вышла замуж за парня с квартирой. А твоя «Московская недвижимость», что «Хопер-инвест», – фу!

– Ты сама пришла к тому ответу, что куда бы ни клали свой ваучер, все равно бы остались с носом. Все активы этих фирм давно перенесены в другую фирму, с другим названием, которой ты не можешь выставлять претензии. Это и есть, по твоим понятиям, ум? А совесть? Потому и коммунисты хаот и перестройку, и этих жуликов. У коммунистов не позволила бы совесть так поступить.

– Мало коммунистов воспользовались этой заварухой? Сколько крупных деятелей сумели сделать себе капитал? Нахальные – прямо себе, а скромные, вроде перед народом неудобно, – своей жене, детям или каким-то родственникам.

– Ты не путай коммунистов с членами КПСС, пусть даже занимавшими высокие посты. Это разные люди. Вообще, ты об этом не думай! Худо-бедно мы свой кусок хлеба можем маслом намазать, сытно поесть и с голоду не умрем, а массивные золотые цепи ни нам, ни нашим детям не нужны. Ты подумай, в чем пойдешь сегодня на эту корпоративную вечеринку?

– Куда, куда?

– На банкет после деловой встречи умных людей. Там все дамы наверняка будут одеты с иголки.

– Я вообще туда не пойду.

– Как это не пойдешь? Петр обидится.

– Зато его цаца будет рада, что меня там не будет. Она меня возненавидела, я по ее взгляду поняла. Так что ты пойдешь один, скажешь, что я заболела.

* * *

В центре Москвы, на Тверской площади, ходит Петр Антонов один, руки в брюки. То смотрит внимательно на памятник Юрию Долгорукому, то восхищенно смотрит и любуется архитектурой близлежащих зданий, то смотрит вниз по Тверской улице и спрашивает у одного прохожего:

– Это там красная стена с бойницами – Кремль?

– Да, это московский Кремль.

– А где часы?

– Часы на Спасской башне, со стороны Красной площади. Спускайтесь туда, там много, там увидите много интересного: и Красную площадь, и Мавзолей, и собор Василия Блаженного.

– Сегодня некогда, на обратном пути обязательно остановлюсь в Москве надолго и посмотрю все.

К этому времени вмешался в разговор Павел Семенович, который подходил сзади и слышал разговор брата с посторонним.

– Ты что, Павел, никогда не был в центре Москвы?

– Паша, ты же знаешь, я был в Москве три раза и всегда в сопровождении: в армию привезли на Курский вокзал, с поезда слезли и пересели на электричку и попали в забор воинской части, из армии меня, хромого героя, сопровождал старшина роты, с электрички пересадил на поезд. Это ты в сводной роте чуть ли не каждый день ездил по городу. Мы всегда были за забором, не покидали территорию части. Один раз нашу роту повезли на экскурсию в какой-то музей Вооруженных сил, в зоопарк и на Красную площадь, но я в этот день был в наряде, на кухне картошку чистил. А на третий раз, знаешь, меня привезли с аэропорта на Лубянку на «черном вороне» с двумя вооруженными сопровождающими.

– Да, брат, с Москвой ты не знаком. Приезжай специально ознакомиться. Достопримечательностей здесь столько, что за один день все не сумеешь обойти.

– Живы будем, и Москву посмотрим, брат, это не проблема. А где Антонина?

– В дороге ее немного укачало. Она себя почувствовала плохо. А ты почему один?

– Деловая встреча не состоялась. Наши украинские партнеры по делам срочно выехали в Польшу. Встречаемся на следующей неделе в Варшаве.

– Значит, погнали ко мне домой. Где твоя молодая жена?

– Она тоже захворала, лежит в гостинице. А банкет состоится. У Владимира Сергеевича в Москве много покровителей из высшего круга. Разве он упустит момент, чтобы с ними не пообщаться за столом.

– А тебе это нужно?

– Нужно, брат, нужно! У вас всегда гордо произносили: «Партия и Ленин – близнецы братья. Мы говорим партия, подразумеваем Ленин, мы говорим...» и так далее. А сейчас, брат, другие пошли времена. Мы говорим: «Бизнес и власть – близнецы братья». Он мне помог, когда я начал свой бизнес, затем я ему помог. Во время избирательной кампании не один миллион неденоминированных рублей потратил я на него. Он стал депутатом областной думы, а я, естественно, – помощником депутата. По должности я обязан помогать ему. Вот он созвал свою шайку-лейку, говорит: «Все нужные люди, а нужных людей надо знать в лицо». Авось они когда-нибудь и мне пригодятся. Потому и они будут пить, а платить буду я, ведь я не пьющий, знаешь об этом, я писал. Я завязал раз и навсегда, а в таких компаниях нельзя быть трезвенником, не уважают трезвенников. Официанты уже знают, в мою рюмку нальют «Нарзан». За столом никто не заметит. Чтобы тебя уважали, надо порой лезть целоваться и с пьяным видом спрашивать: «Ты меня уважаешь?»

– А что это за нужные люди?

– Разные чиновники высокого ранга. Кто-то в Думе заседает с Владимиром Сергеевичем, кто-то из разных московских палат, словом, свои люди. И, как говорят: «Друг моего друга и мой друг», этот принцип я должен соблюдать.

– Да, кстати, этот телохранитель говорил, что ваш Владимир Сергеевич меня знает. Откуда он меня знает? Не у меня ли он учился? Какой он вуз окончил?

– Он вузов не оканчивал. Диплом, по-моему, он купил сразу, после освобождения. А с тобой он встречался, когда ты приезжал ко мне в лагерь. Он тогда в лазарете со мной лежал.

– Этот криминальный авторитет?

– Да, Вован. Тогда его так звали. Это сейчас он Владимир Сергеевич.

Павел Семенович сразу изменился в лице, голова закружилась, ему стало плохо. Он хотел опереться обо что-нибудь или сесть, но на площади такой возможности не было. Петр заметил это, взял брата под руку.

– Да, брат, ты был и остаешься коммунистом, не можешь терпеть людей, которые когда-то не особо уважали советские законы. Не можешь забыть их якобы криминальное прошлое. Не уважаешь ты деловых людей.

– Петр, я тебя прошу, не обижайся, я не могу сидеть в такой компании и поднимать тост за здоровье уважаемых новых вождей страны и боссов бизнеса.

– Понимаю, брат. Если уж считаешь, что гусь свинье не товарищ, я не могу заставить, чтобы ты изменил свое мнение. Ты мой родной и единственный брат, мой любимый брат. У нас разное мировоззрение, но мы братья и любим друг друга.

Петр обнял брата, прижался к щеке, затем повернулся и пошел к входу в ресторан, произнося:

– Чао! Подробнее поговорим через месяц. На обратном пути я остановлюсь у тебя. Антонине привет!

Павел ничего не сказал, повернулся и пошел в сторону Тверской улицы, с намерением скорее поймать такси до дома. Еще не успел руку поднять, как остановилась рядом машина ВАЗ-2104. Водитель стал опускать стекло правой передней двери.

– Шеф, не подбросите меня до Сокольников?

– С этим намерением я и остановился.

– А сколько возьмете?

– Я извозом не занимаюсь, не знаю таксы. Сколько дашь, столько и возьму.

Антонов, который уже приоткрыл дверь и хотел сесть, захлопнул дверь машины и рукой сделал жест, чтобы тот проехал.

– Да садись! Я тебя бесплатно повезу, Антонов из чертовой дюжины.

Антонов открыл дверь и стал внимательно разглядывать лицо водителя.

– Вспомни институт, нашу пятерку заочников, пять человек с тринадцатым вариантом. Всегда распределяли, кому по какому предмету делать контрольную, остальные переписывали. А мы с тобой в один день диплом защитили. Вспомнил?

– Вспомнил, вспомнил, – говорит Павел Семенович, который уже сел в машину и захлопнул дверь. – Но ты тогда был курчавым, у тебя был шикарный чуб, а теперь лысый.

– Как говорят, «умные волосы покидают дурную голову», – ответил водитель и поехал.

– Я сейчас уже забыл, как тебя зовут, но до сих пор помню твою дипломную работу: «Агрегатный станок для обработки биметаллических секторов для тормозных дисков авиационных колес». Я тогда восхищался, как здорово придумано: один станок заменяет два токарных, три фрезерных и два сверлильных станка, не внедрили в производство твой станок?

– Да ты что? Это были советские времена. Я как-то сказал начальнику цеха, где обрабатывают эти сектора, что при внедрении такого станка вместо 14 человек, работающих в

двух сменах, могут остаться только четыре человека: два станочника и два наладчика, по одному в каждой смене. А он пальцем возле виска крутит, мол, ты что, парень, в своем уме? И говорит: «А остальных людей куда дену? Увольнять, что ли?» А главный инженер завода посмотрел на проект и говорит: «Идея хорошая, но неосуществимая. Станкостроительные заводы для одного, двух станков, что нужно нам, разрабатывать такой станок не станут, а самим пыхтеть над этим некогда, да и некому. Все вспомогательные цеха перегружены работой». А ты как живешь? Как-то я встретил Наташу из нашей группы, фрау Хенкель, что за немца замуж вышла с третьего курса, у нее тоже был тринадцатый вариант, помнишь?

– Помню, помню.

– У нее сейчас сын учится в нашем институте. Она говорила, что ты уже там декан факультета. Правда?

– Правда.

– Ну ты молодец! Продолжил учебу, защитил степени. А я, как директора нашего завода перевели на соседний, крупный завод и он переманил меня туда, сразу назначил начальником конструкторского бюро, погрузился в работу, стало не до ученых степеней, как говорится, текучка заела. Время ушло, годы ушли, как ты заметил, постарел, раньше срока полысел. А ты молодец, совсем не изменился. Я тебя сразу узнал. Смотрю – Антонов из чертовой дюжины, шибко озабоченный чем-то, словно поддатый, чуть под колеса не попал.

– Правильно ты угадал, от такой жизни не только пьяным будешь казаться, но немудрено и рассудок потерять.

– Что ж ты на жизнь обижаешься, неужели в семье непорядок?

– В семье-то порядок. Я имею в виду жизнь в стране. В чьи руки попала власть, что делают эти дерьмократы? Что делают с народом эти рвущиеся к власти жулики?

– Да, к власти рвутся люди с хваткой, у которых для достижения цели имеются средства. Как говорил один нами уважаемый товарищ: «Для достижения цели любые средства хороши».

– А кто о народе будет думать? Они строят демократию, а слово «демократия» – это народовластие. Что же они так обижают власть держащего, то есть этот народ?

– Павел... я отчество забыл твое.

– Павел Семенович.

– Дорогой Павел Семенович, сейчас, пока идет процесс разгосударствления, то есть процесс дележки государственного добра, которое мы всегда называли народным добром, кто же будет это добро по совести раздавать всем поровну? Оттого и деловые люди рвутся ближе к власти, чтобы в процессе прихватизации быть «делителем», а не «обделенным». Когда кончится все это, делить будет нечего, тогда, возможно, о народе и подумают. А сейчас молодцом окажется тот, кто, как сказал один армянский писатель, «большим черпаком большую долю себе прихватит».

– Я чувствую, что ты не находишь ничего зазорного в этом. Ты был членом партии?

Водитель засмеялся.

– Вот по твоему вопросу чувствуется, что ты в годы перестройки несколько не перестроился. Ты спрашиваешь, был ли я членом партии, а какой партии – не спрашиваешь, то ли «партии зеленых», то ли «Яблоко», то ли ЛДПР. Говоря «партия», ты подразумеваешь КПСС. Да, был я членом КПСС, сейчас – нет. Но, как мой дед, когда его выгнали из членов КПСС, он говорил: «Я останусь беспартийным большевиком», так и я останусь до конца жизни беспартийным марксистом.

– Вот такие пассивные коммунисты и привели к распаду партии, к развалу страны, – с серьезным упреком произнес Антонов.

– Нет, дорогой Павел Семенович. Развал партии, развал всей нашей системы – процесс в какой-то степени закономерный. Мой дед еще в середине шестидесятых годов предвидел

развал построенной в нашей стране социалистической системы, обретавшей подобие тоталитарного режима. Я, тогда еще молодой коммунист, горячо спорил с ним, мол, дед, такого быть не может. Он был малограмотным человеком, не мог свои мысли, доводы аргументировать, тем более научно доказать, но он нутром чувствовал, что такая система рано или поздно развалится.

– Значит, дед твой обиделся, что его выгнали из рядов КПСС, высказал такое предположение или пожелание? – с ухмылкой произнес Антонов.

– Вот здесь ты не прав. Дед мой – старый большевик, мог бы восстановиться в партии, но поскольку, как он говорил, в ряды КПСС просочилось очень много гнилых элементов, не хотел он с ним состоять в одной партии. Тогда и я, как ты сейчас, наивно верил, что партия не может делать ошибочные шаги, все, что делала она, я тоже кричал «одобрямс!», внушал себе неоспоримость партийных решений и слепо выполнял, веря в их незыблемость. А после ее развала стал анализировать все то, в чем дед всегда высказывал свое несогласие, и только теперь понял, что он был прав.

Антонов, что всегда показывал водителю рукой, куда повернуть, хотя водитель сам хорошо ориентировался в дебрях московских улиц, когда проезжали мимо метро «Красносельская» и двинулись по Краснопрудной улице, показал рукой налево и сказал:

– Держись в крайнем левом ряду, там внизу, у кинотеатра «Орленок», повернем налево.

– Там давно нет левого поворота, – сказал водитель и повернул направо возле вновь построенного моста третьего кольца.

– Ты куда?

– Не бойся! Хотя я живу в области, но Москву знаю очень хорошо. Перед Рижской эстакадой поверну направо, а там подскажешь, где твой дом.

Некоторое время ехали молча.

– И с чем не был согласен твой дед? – решил продолжить дискуссию Антонов.

– С тем, что каждая шишка на своем месте был умнее других, если он занимал пост выше, чем эти «другие». А ведь демократия – это, как ты выразился, народовластие, но никто не позволял этому народу, держателю власти, пикнуть, сказать этой шишке, что он совершает глупость. А если эта шишка сидела слишком высоко, то голос народа и не доходил до него, слишком много заслонов было на пути от народа до больших шишек. Но и никто из числа, рядом с шишкой находящихся, не осмеливался пискнуть или ослушаться, вынужден был кричать «одобрямс!», иначе полетел бы со своего стула. Если Хрущев сказал: «Сеять везде кукурузу!», ВАСХНИЛ, не задумываясь, кричал: «одобрямс!», если Горбачев велел вырубить виноградники, никто не осмелился сказать, что с пьянством не так надо бороться. Это пример поступков неглупых людей, ведь и Хрущев, и Горбачев были умными людьми. А сколько таких глупостей совершали дураки на разных уровнях, занимавшие высокие посты?

Антонов сидел молча, не возражал.

– Принцип «все вокруг колхозное, все вокруг мое» дед не одобрял. Он считал, что каждая вещь должна иметь своего хозяина, чтобы у него душа болела за эту вещь. Коллективная собственность хороша при наличии высокого сознания у всех собственников и одинаковых прав и обязанностей к ведению этого коллективного хозяйства. А во что превратились наши коллективные хозяйства, скажем, колхозы? Разве каждый колхозник болел душой за колхозное добро? Он с удовольствием воровал колхозное там, где это можно было. Брал все, что плохо лежит. Или председатель болел душой? Вспомни Райкина, его интермедию, помнишь? «Пожар! Пожар! Выходи, снова заходи, доложи! Пожар – сгорела, хорошо! И контора сгорела? Что ж ты самое главное не сказал!» Ведь там его или плащ или пальто висело. То, что все сгорело, это ему наплевать, а то, что его личное сгорело, за это у него душа болит. Это был принцип большинства руководителей коллективной собственности.

Антонов молчал, не возражал.

– Дед мой родился в небогатой семье и в молодости все мечтал быть богатым. Он долго не примыкал к марксистам, ибо те имели в своих программах экспроприацию экспроприаторов. Дед считал частную собственность незыблемой, что-то вроде святой. Он считал, что если человек не будет стремиться жить богато, иметь всякие блага, то он в жизни никогда не будет иметь стремления работать больше, чем требуется. А коммунисты что сделали? Кто любил работать, сам пахал, как вол, жил богато, держал лошадей, давай его раскулачивать. Ты одобряешь этот процесс?

– Не знаю, не задумывался.

– Правильно, зачем человеку с ученой степенью ломать голову над тем, почему любого работодателя считали эксплуататором? Раз в свое время партия так поступила, значит, так было надо. Действия партии, как поступки всевышнего, не подлежали обсуждению. Сделали государственной собственностью средства производства в виде крупных заводов, фабрик – это хорошо. Пусть не только недра, леса, реки и озера будут принадлежать всем, то есть государству, пусть будут принадлежать государству и крупные заводы, фабрики, железные дороги и многое другое, но зачем нужно было ликвидировать мелкое предпринимательство? Если человек умелец, золотые руки, талант, богом данный, пусть откроет свою мастерскую, наймет подручных, платит им деньги, да и налог платит государству. Пусть развивает свою деятельность. Нет! пусть организуется государственное предприятие, где над этим умельцем будет начальник, зам начальника (хорошо, если один), бухгалтер, куча других лиц. Все это отобьет охоту у этого умельца работать. У него зарплата не может быть выше, чем начальника, спрашивается, зачем этому умельцу из кожи вон лезть? Чтобы его начальник докладывал о перевыполнении плана и получал государственные награды? Не знаю, как бы работал Фаберже, если бы его заставили ровно в семь часов тридцать минут явиться на рабочее место и кровь из носу выполнять дневной план – по пять пасхальных яиц за смену выдавать. Не зря наши товары были хуже китайского ширпотреба.

Это еще полбеда. Главная беда заключалась в том, что нашего трудолюбивого человека отучали планомерно от работы. Уравниловка, выводилка приводили к тому, что кто весь месяц ишачил, трудился до седьмого пота, получал чуть больше, чем другой, кто весь месяц «махорку сушил». Спрашивается, зачем из-за этой мелочи в разнице их зарплат первому работнику спину гнуть? Чтобы потом второй смеялся над ним? Хорошо жил не тот, кто много работал, а тот, кто ловко устроился. А чтобы ловко устроиться, надо было занимать номенклатурные должности. Надо было любым способом добраться до партийного эскалатора, ведущего наверх. Вот в этом-то месте ум уступал ловкости, а партбилет превратился в своего рода пропуск к этому эскалатору. Поэтому ловкие люди рвались вверх любой ценой, оставляя порой весьма нехороший след.

К этому времени они уже ехали по Сокольническому валу. Антонов показал пальцем направо и сказал:

– Теперь тормози, сейчас повернешь направо к этому дому.

Водитель повернул направо и перед указанным домом остановил машину.

– И сколько я тебе должен? – спросил Антонов.

– Антонов, ты что? Не экономику же преподаешь в машиностроительном вузе, все переводишь на деньги. Не в деньгах счастье. Скажешь спасибо, этому буду рад.

– Спасибо! Большое спасибо! Но ты можешь выключить мотор? Я хочу один вопрос задавать.

Водитель повернул ключ зажигания и подтянул ручник.

– Задавай!

– Говоришь, твой умный дед еще в середине шестидесятых годов предвидел крах этого строя. А как он оценивал идеологию марксизма?

– Сам дед был малограмотным и изучать марксизм из первоисточников он не мог. А в те времена, когда призрак только начал ходить по Европе, марксистскую идеологию кто как понимал сам, так и трактовал. Его друзья большевики в Тифлисе трактовали эту идеологию и, естественно, цель их борьбы так, что он не согласен был с такой идеологией. Ему казалось небогоугодным делом отобрать у богатых и отдать бедным. Во время службы в царской армии, еще до Первой мировой, некий капитан Оболенский, настоящий большевик, растолковал истинную цель борьбы большевиков, сущность марксистской идеологии, что, естественно, отличалось от объяснений тифлисских товарищей. Социалистический строй, по толкованию капитана, должен иметь такие законы, чтобы все люди от большого начальника до последнего дворника были равными, имели равные права. И самое главное, что импонировало деду в объяснениях Оболенского, это то, что при социализме все будут работать, как он выражался, в один котел, а из совместно созданного добра каждый человек будет получать по величине вложенного туда труда, а не по высоте занимаемой должности. Народовластие было бы народовластием, когда бы народ сам определял величину зарплаты руководителей любого ранга, от малого до большого, потому как народ – держатель власти, а начальство, высшие чиновники – слуги народа. Смеешься? Вот так и в действительности получилось. Поскольку зарплаты и другие льготы устанавливались наверху, чем выше сидел начальник, тем выше оценивался его труд. Советский чиновник стал нисколько не лучше царского, к тому же он не прочь был заниматься казнокрадством.

Поверил дед, что при социализме, действительно, такие будут порядки, он с симпатией отнесся к марксизму. А когда большевики какой-то небольшой железнодорожной станции спасли ему жизнь и бескорыстно помогли ему во многом, демонстрируя партийную солидарность, он всей душой расположился к большевикам и стал ярым поборником марксистской идеологии. Этой борьбе он отдал все, что мог отдать: годы, силы, даже все материальное, что сумел нажить до коллективизации. А когда дельцы от партии с помощью нечистоплотных интриг сумели его, своенравного и гордого большевика, выгнать из рядов партии, даже посадить в тюрьму, он разочаровался в людях, но к идеологии марксизма он относился с симпатией. Марксизм в трактовке капитана Оболенского он считал самой гуманной идеологией, руководствуясь которой надо строить такое общество, где закон был превыше всего и не мог любой ловкач трактовать его по своему. Правила жизни, как правила любой игры, надо придумывать до начала этой игры, а не по ходу. Достоинство человека этого общества, будь он дворником или пастухом, должно быть таким, как у самого высокого чиновника. Он шибко не любил слово «господин». Считал, что люди в обществе должны быть товарищами. Когда построенный ими строй, в котором он принимал самое активное участие, вышел не таким, о каком он мечтал, он обвинил гнилые элементы, просочившиеся в партию, которые не так трактовали «Азбуку Маркса», и надеялся, что придет время, появится новый человек и напишет новую «Азбуку Маркса».

– Какую азбуку?

– «Азбуку Маркса». Когда-то капитан Оболенский достал деду азбуку, по которой дед изучал русские буквы. В беседе с дедом капитан говорил: «Вот, как ты по этой книге изучаешь русские буквы, так и мы, большевики, по этим книгам изучаем марксизм». Дед их назвал «Азбуками Маркса» и полагал, что там написана конкретная программа действий. Когда убедился, что жизнь пошла не по тому руслу, о котором мечтали истинные коммунисты-большевики, он надеялся и был уверен, что кто-нибудь напишет новую азбуку, где забота о трудовом народе будет краеугольным камнем нового общества.

– И ты теперь ждешь, пока появится новая «Азбука Маркса», или собираешься сам писать?

– К сожалению, я не философ и даже не политик, я технарь, не хочу влезать не в свое дело, а то бы написал такую «азбуку», руководствуясь которой, всех наших новоиспеченных миллиардеров расстреляли бы без суда и следствия.

– Попробуй, тебе народ памятник поставит.

– На Лубянке? Потом придут другие и расстреляют этот памятник из крупнокалиберной пушки. Нет уж, дружище, пусть лучше поставят мне памятник на тридцатом километре Горьковского шоссе, где находится кладбище нашего района. Ну ладно, друг Антонов из чертовой дюжины, не унывай! А «Азбуку Маркса» напишет, обязательно напишет кто-нибудь. Когда первый блин получается комом, не перестают их печь, а мажут сковороду получше, разогревают посильнее, словом, находят оптимальный режим выпечки.

Антонов пожал руку водителя и вышел из машины.

– Еще раз большое спасибо, большевистский внук. Ты мне задал задачу со своей «Азбукой Маркса».

– Ну, бывай здоров!

– Бывай!

Водитель завел машину и уехал.

* * *

Вот заходит Павел Семенович домой. В коридоре тихо переобувается. Услыхав шорох, в коридор выходит Антонина.

– Павел? – удивляется она. – Ты что так рано покинул этот корпоративный сабантуй?

– Сабантуй не состоялся. Деловые партнеры не соизволили прийти.

– А что же так?

– У господ неотложные дела.

– Жалко, что не знали. Был здесь один твой студент, он срочно уезжает куда-то отдыхать, на какие-то острова, он назвал, я забыла. Говорит, он целый день на кафедре ждал, не дождавшись, решил зайти домой. Надо было какой-то зачет по теории машин и механизмов срочно сдать, не хочет с «хвостом» остаться. Там, на кухне, на столе оставил зачетку. Очень просил поставить зачет.

Павел Антонович вошел на кухню, подошел к столу, где лежала зачетка студента, взял зачетку и прочел фамилию:

– Кагулия Автандил.

И вдруг из зачетки выползла стодолларовая купюра. Павел Семенович берет ее и подходит к жене.

– А это что такое, взятка?

– Он говорил: «Пусть господин Антонов не считает это взяткой. Я на всякий случай хочу предотвратить непредвиденные ситуации: вдруг у него в авторучке кончилась паста, возле вашего дома нет киосков, он должен брать машину, поискать киоск, купить стержень. Я оставлю деньги на все расходы», – с ухмылкой оправдывалась Антонина. – Честное слово, я даже не смотрела, какие он оставил деньги. Говорил: «Если останется сдача, господин Антонов потом вернет».

Павел Семенович со злом бросает зачетку и деньги на стол и уходит в комнату.

– Я пошел спать!

– Так рано? А ужинать не будешь?

– Я по горло сыт сегодня.

* * *

Сокольнический парк Москвы. Недалеко от главного входа на скамейке сидит студенческий товарищ Павла Антонова, водитель «четверки». Рядом стоит мальчик лет четырех, видимо, внук. Дед разворачивает обертку «чупа-чупса» и дает внуку.

– На, бери свой «чупа-чупс», сейчас дед немного отдохнет, пойдем еще покатаемся на трамвае.

В это время к ним катится разноцветный мячик, а за мячиком бежит девчонка лет трех-четырех. Внук подбегает к мячу и ногой бьет сильно в сторону бегущей девочки. Мяч перелетает ее и катится в другую сторону.

– Шолтысек! – ругает дед. – Надо было руками поднять и отдать девочке. Это же не футбольный мяч, чтобы бить ногами.

– Внуку дал армянское имя? – слышится сзади голос Павла Антонова, который, держа за руку внуку лет шести, подходит к этой же скамейке.

– О, Антонов, привет! – поворачивается к нему его студенческий друг. – В Армении такого имени нет. Так звали одного шустрого футболиста эпохи нашей молодости то ли в польской, то ли в чехословацкой команде.

– Привет! – подходит к скамейке и здоровается Антонов. – С внуком-футболистом гуляешь в наших краях?

– В нашем городе нет ни метро, ни трамвая, а мой внук очень любит на них кататься.

– А я, как ушел на пенсию, со своей внучкой каждый день хожу в парк, гуляю с ней. – Обращается к внучке, – Ксюша, иди играй с мальчиком.

– Алеша, у тебя в кармане есть еще «чупа-чупс», угости девочку!

Антонов устраивается рядом на скамейке и глубоко вздыхает.

– Ну что, смирился с новыми порядками в стране? – спрашивает друг Антонова.

– Не спрашивай! Как говорится, не сыпь мне соль на рану. Богатейшая ресурсами страна, а народ живет на грани нищеты, особенно пенсионеры.

– «Армянскому радио» задавали вопрос: «Чем отличается европейский пенсионер от российского?», на что «Армянское радио» ответило: «Европейский пенсионер после выхода на пенсию отправляется по миру (с ударением на «и»), а русский – по миру (с ударением на «о»).

– Неужели наша страна беднее европейских?

– Страна-то богатая, но это богатство распределяется между его жителями неравномерно. К недавним выборам, когда от Союза правых сил выдвинул свою кандидатуру на пост президента Никита Белых, Союз правых сил выпустил газету, где, чтобы завоевать симпатии людей, которые еще по старой привычке ходят голосовать, то есть пенсионеров, привели такую, интригующую пенсионеров статистику: если ВВП России разделить на душу населения страны, это составит в месяц шестнадцать тысяч рублей, а у немцев – семьдесят семь тысяч рублей в переводе на наши деньги. Это понятно: у немцев промышленность работает стабильно, да и народа у них меньше. Теперь смотри, как распределяется эта сумма: Российский пенсионер получает только семнадцать процентов своей суммы, что составляет две тысячи семьсот двадцать рублей, а немецкий пенсионер получает сорок два с половиной процента от своей суммы, что составляет примерно тридцать три тысячи рублей. Зато зарплата депутата высшего органа, если у немцев составляет сто восемьдесят процентов, ровно столько, сколько зарабатывает учитель в Германии, у наших депутатов, как ты думаешь, какой процент?

– Если у них сто восемьдесят процентов, то у наших наверняка больше двухсот.

– Шестьсот восемьдесят семь процентов, примерно в шестнадцать раз больше, чем зарплата нашего учителя.

– Да! Как говорил твой дед, необходимо срочно написать новую «Азбуку Маркса», но наши политики от КПРФ что-то не торопятся сочинять такого программного документа.

– У меня есть один друг, Афанасий, старый коммунист, состоит в КПРФ, активист партии, ходит распространяет партийную литературу, особенно областную газету «Подмосковная правда», страницы которой переполнены портретами современных вождей КПРФ. Друг мой восхищается, как там критикуются действия единокороссов. Я ему говорю, что надо брать симпатию читателей не острием критики или захаиванием других, а разумным программным предложением. Критика или захаивание – удел женщин на кухне в коммунальной квартире, а политик, чтобы доказывать, какой он хороший, не должен хаять других, мол, какие все плохие. Ты покажи свою программу, народ не глупый, сам разберется, кто какой. Ты скажи, говорю, как вернуть народу все прихваченное добро? Говорит: «Надо отобрать у них, к чертовой матери!» Значит, надо в две тысячи семнадцатом году поднять народные массы и повторить события столетней давности?

– Нет! Россия насытилась революциями. Хватит. Если народ отверг образец того социалистического строя, что построили сто лет назад, а сейчас задыхается от такого дикого капитализма, где сотни человек владеют таким богатством, которым не владеют остальные сотни миллионов людей, созданию такого строя, который представляли старые большевики, типа того капитана, что обрисовал этот строй твоему деду...

– Капитана Оболенского.

– Я прихожу к выводу, что твой малограмотный дед был прав. Надо сначала написать толковую «Азбуку Маркса», такой программный документ, типа манифеста, а народ наш умный, образованный, поддержит создание общества равных. Народ, который жил однажды в такой системе, где хорошего было больше, чем плохого, только, как выражался твой дед, гнилые элементы испохабили его, поддержит создание нового общества, общества равных. Я считаю, что при этом даже неважно, как будет называться этот строй, кто будет править государством: Верховный совет, президент, король или генсек...

– Даже король? – прервал Антонова товарищ.

– А что? В России всегда уважали царя-батюшку. Только пусть это будет не наследственная, а выборная должность, дабы случайно не сел на трон наследник-придурок. Страна должна иметь руководителя умного, заботливого. Он может быть выбран на этот пост бессрочно, но, как только натворит что-то плохое и народ будет недоволен его действиями, его можно будет сбросить и назначить на это место другого. Неважно, как будет именоваться его должность, важно, чтобы он защищал интересы трудового народа, который составляет подавляющее большинство в любом государстве. В стране должны быть твердые законы, которые исключали бы нетрудовое обогащение. А сами законы создавались бы не под диктовку олигархов, а по одобрению трудового народа. Вот здесь-то и нужна новая, хорошая «Азбука».

– Дедушка, у меня есть хорошая азбука, – встревает в разговор внучка Антонова. – Дядя Петр мне купил сумку-ранец, другие школьные принадлежности и хорошую азбуку.

– Ксюша, ты по этой азбуке будешь учиться писать и читать. Ты счастлива, у тебя есть азбука, а наша азбука, по которой мы должны учиться жить, пока еще не написана.

– Да?! – удивленным взглядом смотрела на деда внучка.

Антонов поднял ее за плечи, поцеловал и посадил на колени.

– Да, дорогая внучка, наша азбука еще не написана. Пока напишут... Дай бог, чтобы вы с этим мальчиком, Алешей, по ней учились жить, чтобы эта была хорошая азбука, в красной обложке.

Суд Линча

В однокомнатной квартире с весьма скромным убранством Валентина Матвеевна, женщина в возрасте около сорока лет, раскладывает диван, вытаскивает из него подушку и простыню, стелет простыню на диван и на него кладет подушку, затем заходит за ширму, которая отгораживает никелированную кровать в углу комнаты, снимает с кровати покрывало, складывает вчетверо и набрасывает на спинку. Затем берет ватное стеганое одеяло, выходит из-за ширмы и стелет одеяло на диван. После чего подходит к телевизору, выключает его и направляется на кухню.

На кухне сын Валентины Алик, небольшого роста, хилого телосложения, черноволосый парнишка около шестнадцати лет, ужинает. На столе кроме еды стоит бутылка с пивом.

– Я вечером в магазине встретила Марию Васильевну, – начинает разговор мать, – она сказала, что ты сегодня опять не был в школе. Сынок, так тебя и выгонят из школы. Когда же ты возьмешься за ум. Ладно, в институт с такими оценками не пойдешь, хоть среднюю школу закончи!

– Мать, ты темная женщина! Зачем мне среднее образование? Как ты говоришь, я не собираюсь продолжать учебу в институте. А аттестат зрелости можно купить очень дешево. Вот Анзору нужен был аттестат, он купил за лимон. Это он шикает. Если нужно будет, я куплю намного дешевле, за сто или двести тысяч.

– Сынок, я целый день на заводе маюсь, такие деньги за месяц не зарабатываю. Где же я их найду, чтобы ты купил аттестат, который мог бы бесплатно получить.

– Мать, аттестат мне ни за деньги, ни даром не нужен. Я лучше пойду работать.

– Ты еще несовершеннолетний, кто тебя возьмет на работу? Сынок, я лучше на двух работах буду работать, только бы ты учился, человеком стал. Где ты взял деньги на пиво?

– Это Анзор дал. Я ему помог в одном деле, он мне три штуки отвалил. Одну я разменял, а вот эти две штуки бери себе. – Вытаскивает из кармана две тысячерублевые купюры и отдает матери.

Мать берет деньги и на свет проверяет наличие водяных знаков.

– Настоящие, – произносит она и кладет в карман халата.

– А ты что думала? Анзор не фальшивомонетчик. Это Серый на цветном ксероксе перекопировал пятитысячник и хотел на рынке сбавить, дурак, попался. Сейчас сидит в ментовке.

На глазах матери появились слезы. Она подошла сзади к сидящему сыну, двумя руками откинула его голову и поцеловала в лоб. Затем молча вытерла слезы, взяла пустую тарелку и подошла к раковине.

* * *

На улице зима. Вдоль гаражей одноэтажного гаражного кооператива проходит человек. Тусклые лампочки, которые горят на столбах у входа в кооператив, слабо освещают территорию безлюдного кооператива. Человек подходит к гаражному боксу под номером 59 и стучит условным знаком: один-два-один-один. Раздается щелканье засова, и открывается калитка. Открывший дверь здоровяк Матвей, увидев стучавшего, удивленно спрашивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.